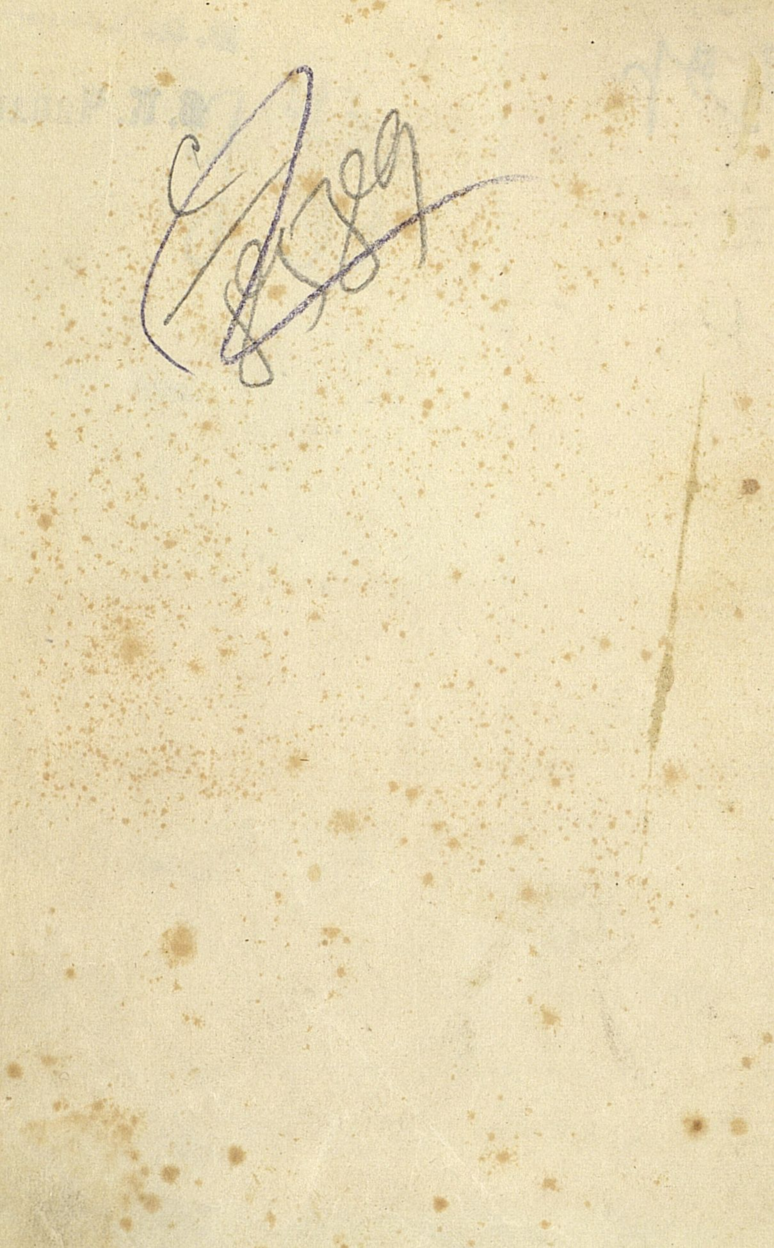

21/XII
20/I
10/III
21/2

В. М. Дорошевичъ.

Какъ я попалъ на Сахалинъ.

Отдѣленіе типографіи Т-ва И. Д. Сытина, Петровка, д. 21.
Москва.—1903.

Какъ я попалъ на Сахалинъ.

Обстоятельства сложились для меня,—я говорю это безъ всякой иронiи,—чрезвычайно, необыкновенно, сверхъестественно благопрiятно.

Рѣшивъ отправиться на Сахалинъ, я обратился въ главное тюремное управленiе съ просьбой разрѣшить мнѣ пребыванiе на островѣ и осмотръ тюремъ.

Главное тюремное управленiе отвѣчало отказомъ.

Отказомъ по всѣмъ пунктамъ.

«Разрѣшенiе пребыванiя на островѣ зависитъ отъ усмотрѣнiя мѣстныхъ властей».

«Посѣщенiе тюремъ разрѣшается только съ научною или благотворительною цѣлью».

Поѣзжай за тысячу верстъ! Можетъ-быть, тебѣ разрѣшатъ пребываніе на островѣ. А можетъ-быть, и съѣхать на берегъ даже не позволятъ. А ужъ тюремъ, во всякомъ случаѣ, не увидишь, потому что ни научной ни благотворительной цѣли за твоей поѣздкой нѣтъ.

Мало того.

Главное тюремное управленіе предупредило меня на случай, если бы я вздумалъ поѣхать на томъ пароходѣ, на которомъ перевозятъ каторжниковъ, что «какое бы то ни было общеніе съ арестантами строжайше воспрещено и ни въ какомъ случаѣ допущено не будетъ».

Съ этимъ «волчьимъ паспортомъ» въ карманѣ, не говоря о немъ ни одной душѣ, я сѣлъ пассажиромъ на «каторжный» пароходъ «Ярославль».

Старшій помощникъ капитана, завѣдующій арестантскими трюмами, встрѣтилъ меня на пароходѣ словами:

— А я относительно васъ получилъ распоряженіе.

— Именно?

— Главное тюремное управленіе предписало, чтобы вы не имѣли ни подъ какимъ видомъ никакого общенія съ арестантами. Такъ что ужъ извините меня.

И какъ ни милъ, добръ, просвѣщенъ былъ этотъ старшій помощникъ, отдававшій досуги свои даже наукѣ, но въ глазахъ его все же свѣтилась россійская обывательская радость:

— Что? Ущемили, братъ, корреспондентъ?!

Обстоятельства складывались для меня рѣшительно благопріятно.

Если я увижу каторгу, — я увижу ее такою, какова она есть, а не такою, какою ее будетъ угодно показать мнѣ гг. служащимъ.

Старшій помощникъ былъ, дѣйствительно, милый и хорошій человѣкъ, но службистъ и формалистъ.

Онъ обратился въ Одессѣ при посадкѣ къ одному изъ арестантовъ, человѣку нервному и больному, по обыкновенію, на «ты».

Тотъ вѣжливо отвѣтилъ, но прибавилъ:

— Я попрошу васъ только или совсѣмъ ко мнѣ не обращаться, или обращаться на «вы». Я человѣкъ интеллигентный. Я лишенъ всѣхъ

правъ состоянія, но не человѣческаго достоинства.

Старшій помощникъ на такую «странную реплику» только пожалъ плечами и не обратилъ вниманія.

Когда проходили тропики, въ трюмѣ что-то случилось. Старшій помощникъ спустился въ трюмъ разбирать происшествіе и обратился къ первому арестанту:

— Ты видѣлъ?

Тотъ молчитъ.

— Я тебя спрашиваю!

Молчаніе.

— Что жъ ты не отвѣчаешь?

— Это не ко мнѣ. Я предупреждалъ васъ, чтобъ вы со мной на «ты» не говорили.

Это было «нарушеніемъ дисциплины», и старшій помощникъ приказалъ посадить виновнаго въ «маякъ».

«Маякъ», это—мѣдный столбъ, въ которомъ помѣщается отличительный бортовой огонь. Помѣщеніе въ немъ—крошечный чуланчикъ, въ которомъ еле-еле можетъ стоять человѣкъ. Нельзя даже сѣсть.

Въ тропикахъ мѣдь накалена. И «маякъ»— это какой-то духовой шкапъ съ страшною температурой. Четверти часа тамъ нельзя пробыть, чтобъ не случилось теплового удара.

Старшій помощникъ ходилъ самъ не свой.

Не прошло и пяти минутъ, онъ обратился къ пароходному врачу:

— Пойди, спроси, можетъ, онъ тамъ боленъ, я его выпущу!

Врачъ, добродушный хохолъ, открылъ маякъ:

— Чи може вы больни?

— Нѣтъ, я здоровъ.

Докторъ вернулся.

— Винъ говорить, що здоровъ,

Старшій помощникъ выходилъ изъ себя:

— Да вѣдь ты пойми, что онъ тамъ задохнется! Пойди, спроси у него, можетъ, голова, что ли, чортъ, кружится!

— А ты зачѣмъ сажаешь?

— Ну, ну! Не разговаривай!

— Хлупостей надѣлаютъ, а потомъ...

Докторъ опять отправился на маякъ.

— Да може у васъ холова кружится?

-- Нѣтъ, пока еще не кружится!

— Тай вы просто скажите мнѣ, що вамъ скверно. Васъ и выпустють!

— Нѣтъ, зачѣмъ же я буду врать?

Докторъ вернулся.

— Винъ врать не хотить!

Старшій помощникъ схватился за голову.

— Да на какомъ же основаніи я его выпущу?!

А заключенный съ минуты на минуту могъ, дѣйствительно, задохнуться.

-- Да плюньте! Выпустите!—говорили всѣ.

Старшій помощникъ въ ужасѣ повторялъ:

— Да развѣ я не хочу? Но на какомъ основаніи?! На какомъ основаніи? Да скажи же хоть ты мнѣ, идолъ,—накинулся онъ на доктора,—что это грозитъ жизни заключеннаго!

— Звѣстно, грозыть!

Старшій помощникъ обрадовался:

— Выпустить его въ такомъ случаѣ изъ маяка! На основаніи заключенія врача! Да поворачивайтесь! Выпускайте, какъ можно скорѣе! Тамъ человѣкъ мучается, а вы...

И все-таки считалъ себя въ душѣ неправымъ, что «сдѣлалъ поблажку».

Онъ только отдалъ распоряженіе:

— Скажите этому, чтобъ, когда я появляюсь въ трюмъ, не показывался мнѣ на глаза. Опять буду говорить «ты». Такова форма.

Онъ очень внимательно и заботливо относился къ арестантамъ. Заботился объ ихъ пищѣ, безпокоился объ ихъ здоровьѣ.

Но когда однажды зашелъ разговоръ:

— А что, если бъ въ арестантскомъ трюмѣ вспыхнулъ бунтъ?

Онъ отвѣтилъ:

— Я приказалъ бы нѣсколько человѣкъ повѣсить на мачтѣ. И настоялъ бы, чтобы капитанъ это разрѣшилъ. Служба!

Таковъ былъ человѣкъ, который долженъ былъ «не допускать меня до трюма».

И къ его служебной чести я долженъ сказать, что дѣло это онъ исполнялъ даже до излишества.

Одинъ изъ арестантовъ въ дорогѣ умеръ. Это была уже не «арестантская жизнь», а арестантская смерть. Мнѣ просто хотѣлось посмотрѣть «похороны въ морѣ».

Но и это скрывали отъ меня какъ только могли.

Какъ-то докторъ за обѣдомъ проговорился:

— Иду въ лазаретъ. Тяжело-больной. Съ мынуты на мынуту ждемъ: помре!

Старшій помощникъ кинулъ на него такой взглядъ, что болтливый докторъ сразу осѣкся и добавилъ:

— А може и выздоровіе!

И сколько я потомъ ни приставалъ къ доктору:

— Ну что вашъ тяжело-больной?

— Выздоровѣлъ. Та ей же Богу выздоровѣлъ. У трюмѣ ужъ. Изъ лазарета выписался!

И когда я стыдилъ:

— Врете вы, докторъ! Ну, зачѣмъ же вы-то врете?

Онъ сердился:

— Ну, що вы ко мнѣ пристаете? Обратитесь къ старшему помощнику! Хиба жъ я знаю?

Когда больной умеръ, даже прислугѣ было запрещено говорить мнѣ.

Я узналъ объ этомъ украдкой.

Тихонько прокравшись на корму, спрятавшись за канатами, я подсмотрѣлъ, какъ матросы шили изъ паруснаго холста мѣшокъ, зашивая въ конецъ куски желѣза.

Утромъ, когда все было кончено, старшій помощникъ зашелъ ко мнѣ въ каюту, торжествующій, побѣдителемъ·

— Схоронили ужъ!

Я кратко отвѣтилъ:

— Видѣлъ!

А вѣрный докторъ, даже послѣ похоронъ, когда я спросилъ: «ну, какъ тяжело-больной?» — отвѣтилъ мнѣ:

— Виздоровѣлъ!

42 дня корреспондентъ на пароходѣ. Я доставлялъ много хлопотъ доброму службисту.

На пароходѣ было тѣлесное наказаніе арестанта.

Арестантъ - кавказецъ обвинялся въ воровствѣ. Старшій помощникъ приказалъ выдрать его линькомъ (веревочный жгутъ), при чемъ самъ стоялъ около скамьи и приговаривалъ:

— Куда спряталъ? Сознавайся! Сильнѣе драть будутъ!

Было дано пять ударовъ. Дольше не выдержали нервы самого старшаго помощника.

Я встрѣтился съ нимъ на мостикѣ, ведущемъ съ полуюта, гдѣ производилось наказаніе, на спардэкъ.

Онъ былъ бѣлый, какъ его тропическая куртка, его всего дергало.

— Ну, что?—спросилъ я.

— Ничего, рѣшительно ничего.

И какъ онъ ни былъ страшно взволнованъ все же не забылъ объ «обязанности».

— Тамъ лагъ...

Инструментъ для опредѣленія скорости хода.

— Тамъ лагъ упустили, ну и того... разстроился.

Цѣлый день онъ не могъ прійти въ себя, не ѣлъ, не находилъ себѣ мѣста.

Но когда я спрашивалъ:

— Что, батюшка? Скверно наказывать?

Онъ отвѣчалъ:

— Да кто вамъ сказалъ? Ничего подобнаго не было? Откуда вы узнаете? Кто смѣетъ?

«По арестантскому быту» то, что произошло, считалось «совсѣмъ пустяками», не стоящими вниманія пустяками. Но и это необходимо было сдѣлать такъ, чтобъ я не видѣлъ, не зналъ. Всѣмъ былъ отданъ приказъ молчать.

Такъ охраняли отъ меня жизнь трюма.

Подъ моими ногами жили люди, жизнь которыхъ меня интересовала мучительно.

И при каждой попыткѣ проникнуть въ нее я встрѣчалъ организованное противодѣйствіе.

Я не буду говорить, какъ больно, какъ мучительно больно было мнѣ.

Не скрою, однако, что, бродя одинъ по длинному, громадному пароходу, я не разъ хотѣлъ броситься за бортъ.

Жизнь на пароходѣ-тюрьмѣ, близость сотенъ страдавшихъ и безпомощныхъ людей, истинное душевное одиночество и взглядъ на тебя какъ на врага, — все это измочалило мнѣ нервы.

Почему одни только чиновники имѣютъ право заботиться о насъ? Почему, если част-

ный и честный человѣкъ, журналистъ, хочетъ оказать услугу обществу, услугу правосудію, сказавши: «вотъ, что такое каторга, къ которой вы приговариваетесь»,—помочь положенію несчастныхъ и страдающихъ людей,—на него смотрятъ какъ на какого-то преступника?

Обстоятельства складывались для меня удивительно благопріятно.

Нѣсколько разъ препятствія, которыя мнѣ ставили на каждомъ шагу, доводили меня,—стыдно сказать,—до нервныхъ припадковъ. Боясь заплакать при другихъ, я уходилъ къ себѣ въ каюту и плакалъ тамъ, и злость просыпалась въ моей душѣ. Я со злобой плакалъ, со злобой думалъ и повторялъ:

— Я узнаю все! Узнаю все! Все узнаю!

Это и помогло мнѣ сдѣлать свое дѣло.

Боролись двѣ силы. Съ одной стороны, приказъ и дисциплина. Съ другой—корреспондентъ, всюду, какъ дурной запахъ, какъ бацилла, какъ проклятый микробъ, проникающій корреспондентъ.

Увидѣвъ передъ собой препятствіе, черезъ которое не перелѣзешь, я сталъ осматриваться.

— Нѣтъ ли гдѣ щелей?

Я сказалъ себѣ со злобой:

— Какой бы то ни было цѣной, но правду я узнаю.

Въ тропикахъ въ шесть часовъ темнѣетъ. Съ шести часовъ я подъ прикрытіемъ темноты, никто не можетъ за мною прослѣдить: гдѣ я и что дѣлаю.

Я замѣтилъ, что на носу, въ огромныя трубы вентиляторовъ изъ арестантскихъ трюмовъ, слышно все отъ слова до слова, что говорится въ трюмѣ.

И вотъ, какъ только темнѣло, я шелъ на носъ, становился у вентилятора и подслушивалъ все, что говорилось.

Лицъ не видѣлъ, но каждое слово слышалъ.

Я слышалъ арестантскія бесѣды, откровенныя, какія они вели между собой, разсказы, воспоминанія, ссоры, восклицанія за карточной игрой.

Я не видѣлъ лицъ, но зналъ, чѣмъ они интересуются, о чемъ говорятъ, о чемъ думаютъ. Изъ разговоровъ узнавалъ подробности ихъ быта, особенности ихъ нравовъ.

Мало-по-малу я привыкъ различать нѣкоторые голоса. У меня въ трюмѣ было много знакомыхъ, о которыхъ я зналъ ужасно много, гораздо больше, чѣмъ если бы мнѣ позволили, и я, посторонній, съ ними разговаривалъ бы,—но которыхъ я никогда не видалъ въ лицо. Изъ обращеній я зналъ ихъ имена.

Мнѣ помогала жара.

Какъ ни охраняли отъ меня «тайны», но провѣрять «статейные списки» арестантовъ старшій помощникъ приходилъ въ каютъ-компанію.

Только здѣсь и можно было дышать.

Да и какъ ни исполнителенъ былъ старшій помощникъ, но статейные списки—что же было особенно прятать?

Какъ-то онъ мнѣ сказалъ:

— Что вамъ можетъ сказать мертвый перечень именъ и преступленій?

Я вздохнулъ и отвѣтилъ:

— Конечно, ничего!

Статейные списки считывались съ пароходными вслухъ.

Я сидѣлъ въ сторонѣ, дѣлалъ замѣточки, и надо мной подтрунивали:

— Статистикой занимаетесь?

Въ статейныхъ спискахъ содержатся имена преступниковъ, свѣдѣнія о возрастѣ, семейномъ и имущественномъ положеніи, образовательномъ цензѣ, преступленіи и размѣрѣ наказанія.

Я ловилъ знакомыя имена и узнавалъ все прошлое про людей, которые меня заинтересовали. Статейные списки давали мнѣ указанія, кто наиболѣе интересенъ по своимъ преступленіямъ и съ кѣмъ слѣдуетъ познакомиться.

Темнота и жара, сами силы природы—были за меня. Развѣ обстоятельства мнѣ, дѣйствительно, не благопріятствовали?

Трюмъ ожилъ для меня.

Изъ вентиляторовъ несло вонью арестантскихъ наръ и махорочнымъ дымомъ. Но я невидимкой присутствовалъ при разговорахъ,—откровенныхъ разговорахъ, что важнѣе всего, разговорахъ между собою,—хорошо знакомыхъ мнѣ людей,—людей, про которыхъ я зналъ всю подноготную.

Не скажу какъ,—но мнѣ удалось устроить, что всѣ письма арестантовъ попадали прежде всего въ мои руки.

Арестанты подаютъ свои письма незапечатанными, чтобы прочитало пароходное начальство. За нѣсколько дней до прихода въ портъ имъ раздаютъ конверты и бумагу:

— Готовьте письма. Марки будутъ наклеены начальствомъ.

И письма начинаютъ сыпаться грудами.

Было стыдно и скверно на душѣ читать чужія письма, узнавать чужія тайны, касаться своимъ постороннимъ взглядомъ часто самыхъ сокровенныхъ и дорогихъ уголковъ души и семьи.

До боли за того, чье письмо читаешь, стыдно.

Но... это были письма, предназначенныя для прочтенія чужимъ человѣкомъ. Ихъ долженъ былъ читать старшій помощникъ. Ихъ, я зналъ, читали отъ скуки остальные помощники, иногда пассажиры.

И нравственное право старшаго помощника читать эти письма было не больше, чѣмъ мое·

Онъ читалъ ихъ, чтобъ цензировать:

— Это отправить. Это бросить: отправлять не надо.

Я читалъ, чтобы прислушаться къ больнымъ и самымъ сокровеннымъ крикамъ страдающей души. Чтобъ услыхать даже заглушенные, задушевные крики. Чтобъ узнать о страданіяхъ и потомъ помочь, какъ я только смогу, какъ только будетъ въ моихъ силахъ. Чтобы тайны этихъ писемъ навсегда схоронить въ своей душѣ, а людямъ только передать вопли и стоны страданія.

Письма писали всѣ. Неграмотнымъ, за мзду, грамотные арестанты. Матеріала, чтобъ узнать правду, была масса.

Никакія офиціальныя разрѣшенія изслѣдовать арестантскій міръ не дали бы такого матеріала,

И когда я читалъ эти письма,—многое въ представленіяхъ о каторгѣ перевернулось у меня въ глазахъ совершенно.

Только благодаря этому, я могъ выяснить себѣ одно героическое и страшное явленіе русской жизни.

Вопросъ о женахъ «добровольно слѣдующихъ».

Когда я прочелъ въ письмахъ, написанныхъ бойкимъ писарскимъ почеркомъ съ подписью за неграмотныхъ грамотнаго бродяги,—въ письмахъ изъ Адена:

«Любезная супруга наша! Извѣщаемъ васъ, что мы прибыли на Сахалинъ, слава Богу, благополучно. Клейматъ здѣсь превосходный и земля для всякаго произрастанія нельзя лучше. Одинъ черноземъ. Каждому арестанту, какъ только пріѣдетъ къ нему жена, начальство выдаетъ для домообзаводства сейчасъ же безплатно: лошадей двухъ, коровъ одну, овецъ четыре, свиней четыре, курей шесть, утокъ шесть и пѣтуха. Избу совсѣмъ готовую, телѣгу, соху, борону и прочее, что слѣдуетъ для исправнаго хозяйства. А посему немедленно, по полученіи сего письма, распродавайте все, что имѣется, за что ни попадя и, не откладывая въ долгій ящикъ, объявляйтесь къ начальству, заарестовывайтесь и идите сюда».

Когда я «подслушалъ» въ вентиляторъ наставленія опытныхъ, «обратниковъ», бывшихъ уже на Сахалинѣ:

— Главное, чтобъ жена сейчасъ за тобой слѣдовала. Какъ только жена пріѣдетъ, сейчасъ тебя изъ тюрьмы выпустятъ. «Для домообзаводства»,—прозывается. Не пріѣдетъ,—въ тюрьмѣ сгніешь. Былъ и знаю.

Понятны мнѣ послѣ этого стали плачъ и стоны, и ужасъ умирающихъ съ голода, съ голода пускающихся на Сахалинѣ въ проституцію, съ голода продающихъ своихъ малолѣтнихъ дочерей, «добровольно послѣдовавшихъ»:

— Батюшки! Въ каку страну насъ завлекли!

Многое въ каторжной жизни, страшное, дикое, чудовищное, что такъ бы и осталось непонятнымъ,—стало понятно послѣ чтенія этихъ писемъ, которыя до тѣхъ поръ читались только всѣми помощниками изъ празднаго любопытства, «для смѣха», или для опредѣленія:

— Содержитъ угрозы — не отправлять. Просьбы—отправить.

Зная по статейнымъ спискамъ «прошлое» людей, зная изъ писемъ ихъ подноготную, будучи хорошо знакомъ съ ними по ихъ разговорамъ между собой, долженъ же былъ я узнать ихъ въ лицо.

Въ теченіе Великаго поста всѣ арестанты переговѣли.

Стоя за богослуженіемъ на трюмной площадкѣ, я видѣлъ всѣхъ ихъ.

Когда ихъ вызывали по фамиліямъ къ исповѣди черезъ рѣшетку,—я узнавалъ и въ лицо наиболѣе интересовавшихъ меня арестантовъ.

Каждый день, когда арестантовъ выгоняли на палубу купаться, я сидѣлъ гдѣ-нибудь, незамѣтно, притаившись, спрятавшись.

Они окрикивали другъ друга.

— Ивановъ, потри мнѣ спину... Петровъ, окати...

И я разглядывалъ интересныхъ мнѣ людей:

— А, вотъ онъ каковъ... Вотъ онъ какой по внѣшности этотъ человѣкъ, про котораго я знаю почти такъ же много, какъ самъ о себѣ.

Но этого было все-таки мало.

Среди арестантовъ были люди, судя по разговорамъ, по письмамъ, страшно интересные. Люди съ оригинальнымъ міровоззрѣніемъ. Люди, несчастія которыхъ требовали, чтобъ ими заняться и имъ помочь.

Люди, съ которыми необходимо было поговорить лично.

Трюмы охраняются часовыми. Отхожія мѣста помѣщаются на палубѣ. Ходъ въ нихъ изъ трюма по трапу. На палубу выходятъ круглыя окна съ рѣшетками. Палуба загромождена лебедками, ящиками, огромными связками канатовъ.

Сѣвши между этими грудами противъ круглаго окошечка, можно переговариваться съ арестантами.

Васъ изъ «начальства» не увидитъ никто. Окошекъ съ капитанскаго мостика не видно.

На палубѣ, въ океанѣ, послѣ обѣда ни души.

Гуляя по палубѣ, улучите моментъ, когда помощникъ, стоящій на вахтѣ, отвернется или уйдетъ въ рубку свернуть папиросу, юркните

въ кучи канатовъ, сядьте за ящиками, спрячьтесь за лебедкой—и вы можете два-три часа сколько вамъ угодно, о чемъ вамъ угодно, бесѣдовать съ интересными для васъ арестантами.

Въ этихъ «мѣстахъ» всегда толчется народъ. Это арестантскій «клубъ».

Вы просто говорите стоящему у окна:

— Здравствуй, такой-то! Позови мнѣ такого-то. Мнѣ есть о чемъ съ нимъ поговорить.

Тотъ, кого вы зовете, явится. Среди тоски трюмнаго существованія разговоръ «съ образованнымъ бариномъ»—развлеченіе не малое.

Такъ я перезнакомился со всѣми, кто мнѣ былъ интересенъ, разговаривалъ, спорилъ, горячо, «задористо» спорилъ, чтобъ вызвать на болѣе откровенный разговоръ, выслушивалъ ихъ жалобы, утѣшалъ какъ могъ, совѣтовалъ въ чемъ могъ, слушалъ ихъ и, чтобъ пріохотить ихъ къ этимъ бесѣдамъ, разсказывалъ имъ о томъ, что ихъ могло интересовать, занимать, развлекать или смѣшить.

Съ каждымъ говорилъ въ томъ тонѣ, въ какомъ ему больше нравилось. И потому каждый вступалъ въ бесѣду съ удовольствіемъ и охотно. Даже самые суровые, и тѣхъ удавалось втянуть.

Относительно «соблюденія тайны» про эти бесѣды съ каторгой много разговаривать нечего.

Сказано «тайна»,—и никогда никакое начальство ни отъ кого ничего не узнаетъ.

На томъ каторга стоитъ.

Зато потомъ, когда я объѣзжалъ Сахалинъ,—не было тюрьмы, въ которой у меня не было бы знакомаго арестанта:

— Здравствуйте, баринъ! Вмѣстѣ плыли!

Это были мои лучшіе агенты. Они объясняли другимъ арестантамъ, зачѣмъ я пріѣхалъ,—такъ, какъ объяснялъ я имъ въ долгіе часы томительнаго плаванія, спрятавшись за ящиками, тюками и связками канатовъ.

Темы для разговоровъ были самыя разнообразныя. Касались всего, чего слѣдуетъ коснуться, когда хочешь узнать человѣка. Говорили о тюремныхъ порядкахъ, тюремныхъ

новостяхъ, о прежней жизни, о преступленіи, о Богѣ, о справедливости, о наказаніи.

Часто познакомишься съ такимъ оригинальнымъ, сильнымъ, смѣлымъ міровоззрѣніемъ, съ такими взглядами, мыслями, какія, казалось бы, и въ голову-то человѣку, да еще простому, прійти не могутъ. Узнаешь о такихъ страданіяхъ, о такихъ несчастіяхъ, существованія какихъ никогда бы себѣ не представилъ.

Узнаешь кучу трюмныхъ новостей.

Придешь въ каютъ-компанію, старшій помощникъ не безъ подозрительности спрашиваетъ:

— Что это васъ не видно? Гдѣ пропадали?

— Да, чортъ его знаетъ! Все спится! Дрыхну въ каютѣ, какъ сурокъ!

Посмѣется:

— Вамъ бы теперь въ трюмъ, съ «милыми» вашими поговорить! А?

Пожмешь плечами:

— Что жъ, если невозможно!

Но на одного арестанта полагаться нельзя. Арестантъ не станетъ болтать всего, что случается въ трюмѣ:

— Постороннему человѣку знать не зачѣмъ.

Но какъ ни сурова морская дисциплина, матросъ человѣкъ простой.

Простой человѣкъ разсуждаетъ просто, а потому чаще здраво.

Простому человѣку, матросу, было непонятно:

— Чего отъ человѣка все скрываютъ? Что дурного отъ этого случится? Всякій солдатъ, всякій матросъ знаетъ, — а отъ него скрываютъ!

Очень часто, встрѣтившись на палубѣ, матросъ спроситъ:

— Что, баринъ? Не даютъ вамъ свободы? Не говорятъ ничего?

— Да, что жъ дѣлать!

— Вѣдь, этакъ, баринъ, вы даромъ проѣздить можете? И время, и деньги, и трудъ— все пропасть можетъ?

— Все пропадетъ, и деньги, и трудъ, и время...

И вдругъ какъ-нибудь тотъ же матросъ, проходя мимо, скажетъ будто и не мнѣ, а такъ, въ пространство:

— На полютѣ, кажись, драть будутъ.

Или:

— Хоронить въ семь.

Или:

— За лебедкой не видать. Я ящикъ еще пододвинулъ.

Буфетный лакей вечеромъ, послѣ разговоровъ: «въ который разъ плаваешь?» да «не скучно ли по домашнимъ?» — оглянется и шепнетъ:

— Старшій помощникъ оченно безпокоятся. На палубѣ подметное письмо нашли. Арестантъ пишетъ, что бунтъ готовится. Его къ нимъ въ каюту приводили. Давеча на мостикѣ съ капитаномъ разсуждали, а я на трапѣ замѣшкался и выслушалъ.

Да, Боже мой! Среди скуки океанскаго плаванія бывалый и разговорчивый человѣкъ какихъ знакомствъ не заведетъ!

Конвой на «каторжномъ» пароходѣ состоитъ изъ военныхъ матросовъ. Морское

вѣдомство пересылаетъ такимъ образомъ, въ качествѣ конвойныхъ, въ Тихо-океанскую эскадру «спеціалистовъ».

Слесаря, минеры, искусные столяры очень этимъ обижаются. Они для того и въ «спеціалисты» шли, чтобъ избавиться отъ тягостей фронтовой службы. А тутъ самая отвѣтственная и тяжелая обязанность,—конвой.

Старшій помощникъ безпрестанно жаловался:

— Когда морское вѣдомство перестанетъ экономить и спеціалистовъ въ качествѣ конвойныхъ пересылать? Когда будутъ настоящихъ конвойныхъ давать? Ничего не знаютъ! Безпрестанно взыскивай!

Слыша эти жалобы, я рѣшилъ:

— Вотъ еще щелочка!

«Спеціалистъ» высокаго о себѣ мнѣнія, считаетъ себя человѣкомъ «все-таки просвѣщеннымъ», любитъ, когда на него «обращаютъ вниманіе», и ему «лестно» поговорить съ человѣкомъ, «который можетъ понять».

Подходишь къ такому «спеціалисту», отдыхающему на палубѣ.

— Трудна, я думаю, ваша служба? А?..

— Во флотѣ,—тамъ ничего! Во флотѣ хорошему «спеціалисту» почтеніе. А здѣсь, помилуйте, въ конвойную службу запрягли. Нешто я ее знаю! Да я ея и знать-то не хочу! Народъ каторжный!

— Еще бы!

— Съ этимъ народомъ того и гляди подъ сюркупъ попадешь. Старшій помощникъ сердится, кричитъ: «Службы не знаешь! Подъ судъ отдамъ!» Вонъ давеча драка у нихъ вышла. Глазомъ не успѣлъ мигнуть, одного такъ исколотили,—въ лазаретъ оттащили. И не пикнулъ. Халатами ему морду накрыли, чтобъ не кричалъ. Мнѣ почемъ знать, когда ничего не слышно. Стоятъ арестанты около наръ и стоятъ. А за спинами не видать, что бьютъ. А старшій помощникъ кричитъ.

— Неужели до того исколотили, что въ лазаретъ?

— Отнесли.

— Да изъ-за чего же? Изъ-за чего?

— Да все изъ-за картъ. Надѣлаютъ картъ и играютъ. Онъ тамъ въ чемъ-то и попался.

Песъ его знаетъ! Старшій помощникъ кричитъ: «Почему не доносишь, что въ карты играютъ?» А чего доносить. Всякую минуту доносить, потому безперечь играютъ! Однѣ карты отберутъ, — а они новыя надѣлали. Самъ старшій помощникъ вчера обходъ дѣлалъ, колодъ двадцать отобралъ. А нынче опять играютъ! Что жъ имъ и дѣлать-то, ежели не играть!

И, узнавъ о вчерашнемъ обыскѣ, о сегодняшнемъ побоищѣ, я шелъ къ огромному стеклянному колпаку лазарета, выходившему на палубу, и сквозь него видѣлъ избитаго арестанта.

Въ виду страшной духоты въ тропикахъ, рамы лазаретнаго фонаря на ночь поднимались.

И, притаившись въ темнотѣ около открытыхъ рамъ, я видѣлъ сверху лица больныхъ арестантовъ, слушалъ, о чемъ они говорятъ, слышалъ, о чемъ они бредятъ въ забытьѣ въ душную, долгую ночь.

Такъ отъ сокровеннѣйшей мысли, изложенной въ письмѣ, отъ бреда въ забытьѣ,

мнѣ было все извѣстно относительно арестантовъ, общеніе съ которыми такъ строго, тщательно и всемѣрно отъ меня отдалялось.

Грѣшный человѣкъ, за все, что я вытерпѣлъ, я не могъ отказаться отъ удовольствія одну минутку позлорадствовать.

Когда «Ярославль» уже уходилъ съ Сахалина, арестанты были давнымъ - давно на берегу и разошлись по тюрьмамъ,—старшій помощникъ капитана, съ которымъ мы очень сошлись во всемъ, что не касалось трюма и арестантовъ, прощаясь, дружески пожимая мнѣ руку и желая успѣха въ моемъ, какъ онъ говорилъ, «трудномъ и важномъ дѣлѣ», сказалъ мнѣ:

— Вы не поминайте меня лихомъ, что я такимъ дракономъ охранялъ отъ васъ трюмъ. Я знаю, что очень васъ мучилъ. Но вѣдь не отъ себя, служба!

Я дружески пожалъ ему руку въ отвѣтъ:

— Знаю, знаю! И въ доказательство, что не сержусь, готовъ вамъ оказать услугу. Вамъ еще не разъ придется перевозить арестантовъ. Вы добрый и хорошій человѣкъ,

но совсѣмъ не знаете ихъ жизни. А это можетъ повлечь иногда дурныя для нихъ послѣдствія. Вы слишкомъ имъ вѣрите. Помните, не доходя до Сингапура, арестантъ изъ второго трюма бродяга Ивановъ подкинулъ на палубу письмо, что имѣетъ сдѣлать вамъ важное сообщеніе. Вы его вызвали, — подъ благовиднымъ предлогомъ, будто бы въ лазаретъ,—къ себѣ въ каюту. Онъ вамъ сказалъ, будто въ Сингапурѣ, благо тамъ пароходъ стоитъ у самой пристани, арестанты хотятъ сдѣлать побѣгъ. Вы усилили конвой. Сами все время, пока пароходъ стоялъ въ Сингапурѣ, не ложились спать, ни одну ночь не смыкали глазъ. А Иванова перевели въ третій трюмъ, потому что онъ сказалъ: «Товарищи догадаются, что я донесъ, и меня убьютъ». Такъ, вотъ! Знайте, что все это была ложь, надъ которой весь второй трюмъ заранѣе хохоталъ. Бродяга Ивановъ—величайшая каналья, картежникъ и шулеръ. Во второмъ трюмѣ ему уже играть было не съ кѣмъ. Онъ и сказалъ трюму: «Вотъ какую махинацію подведу, въ другой

трюмъ меня переведутъ». И добился перевода въ другой трюмъ, гдѣ его не знали. А тамъ такъ принялся обыгрывать народъ, что его за это исколотили! Говорю вамъ это теперь, когда ужъ и Ивановъ, и все далеко.

Бѣдняга-службистъ даже за голову схватился:

— Откуда вы все это знаете?

Я поклонился:

— На то я язва-корреспондентъ!

Владивостока я ждалъ, какъ ждали некрасовскіе мужики:

„Вотъ пріѣдетъ баринъ,
Баринъ насъ разсудитъ“.

— Пріѣду во Владивостокъ, — прямо на желѣзную дорогу и въ Хабаровскъ. Къ генералъ-губернатору Пріамурскаго края, Духовскому.

Сахалинъ входитъ въ составъ Пріамурскаго края. Генералъ-губернаторъ лицо тамъ всесильное.

— Буду просить...

Я сочинялъ и пересочинялъ рѣчь, съ которой обращусь къ генералу Духовскому: «это длинно, длинно, какъ можно короче, сильнѣе и убѣдительнѣе».

— Всегда лучше обращаться прямо къ лицамъ, очень высоко стоящимъ. У нихъ нѣтъ этой дрожи: «какъ посмотритъ начальство?» Генералъ-губернаторъ разрѣшитъ мнѣ пребываніе на Сахалинѣ, осмотръ тюремъ.

Въ Вербную субботу «Ярославль» отдалъ якорь у Владивостока.

Въ китайской лодчонкѣ я сейчасъ же съѣхалъ на берегъ. На станцію желѣзной дороги.

— Когда идетъ поѣздъ въ Хабаровскъ?

— Поѣзда въ Хабаровскъ не ходятъ.

Иманъ разлился.

Я къ мѣстнымъ знающимъ людямъ:

— Нельзя ли какъ-нибудь на лошадяхъ? Сколько бы ни стоило. У меня дѣло, не терпящее отлагательствъ.

— На какихъ же вы лошадяхъ поѣдете, если Иманъ разлился? Сообщенія съ Хабаровскомъ никакого нѣтъ.

— Нельзя ли проѣхать хоть верхомъ?

— Вплавь вы, что ли, поплывете?

Я кинулся на телеграфъ.

Написалъ длиннѣйшую телеграмму генералу Духовскому.

— Въ Хабаровскъ?—телеграфистъ подалъ мнѣ телеграмму назадъ. — Съ Хабаровскомъ телеграфнаго сообщенія нѣтъ. Иманъ разлился, линія испорчена.

— Когда поправятъ?

Онъ отвѣчалъ, — вотъ ужъ именно въ высшей степени спокойно:

— Черезъ недѣлю. Черезъ двѣ.

А черезъ недѣлю пароходъ уходилъ на Сахалинъ.

А со всѣхъ сторонъ мнѣ говорили:

— Вы, голубчикъ, торопитесь. Какъ только возстановится движеніе, генералъ - губернаторъ ѣдетъ въ Камчатку. Подъ него ужъ и пароходъ «Хабаровскъ» приготовленъ, стоитъ. Торопитесь, торопитесь!

Торопиться!

— Пойду къ мѣстнымъ властямъ. Вѣдь какъ-нибудь они пересылаютъ же бумаги,

не терпящія отлагательствъ! Можетъ-быть, укажутъ мнѣ способъ, какъ снестись съ генералъ-губернаторомъ.

Губернатора Приморской области въ это время во Владивостокѣ не было: онъ лѣчился на водахъ въ Японіи. Его должность исправляетъ вице-губернаторъ.

Вице-губернаторъ сидѣлъ у себя въ кабинетѣ, въ губернскомъ правленіи, и набивалъ машинкой папиросы, когда я явился и отрекомендовался:

— Корреспондентъ такой-то.

Онъ продолжалъ набивать папиросы.

— Садитесь. Что вамъ угодно?

Я объяснилъ, что мнѣ надо видѣться или написать генералъ-губернатору.

Онъ бросилъ папиросы и посмотрѣлъ на меня:

— Гмъ. А зачѣмъ вамъ генералъ-губернаторъ?

Я объяснилъ, что вотъ ѣду на Сахалинъ, хочу ознакомиться съ каторгой, просить и т. д.

Вице-губернаторъ успокоился и принялся опять набивать папиросы.

— Гмъ. Вы, что же? Состоите по какому-нибудь вѣдомству?

— Нѣтъ, ни по какому вѣдомству я не состою. Я корреспондентъ.

— Гмъ. Почему же васъ интересуетъ именно каторга? Мало ли темъ есть? Почему каторга, а не что-нибудь другое?

— Ваше превосходительство! Долженъ же человѣкъ чѣмъ-нибудь интересоваться. Если бы я заинтересовался другимъ предметомъ, а не каторгой, — вы меня съ одинаковымъ основаніемъ могли бы спросить: почему я интересуюсь этимъ предметомъ? Рѣчь идетъ не объ этомъ, ваше превосходительство. Я отлично знаю, что вы не можете мнѣ помочь попасть на каторгу. И я обращаюсь къ вамъ просто за совѣтомъ, какъ я вамъ уже выяснилъ.

Вице-губернаторъ продолжалъ набивать папиросы.

— Гмъ. Если за совѣтомъ, такъ вотъ вамъ мой совѣтъ. Прежде всего, не называйтесь корреспондентомъ!

— Почему же?

— Такъ. Слово нехорошее. Его здѣсь не любятъ.

— Ну, сотрудникъ.

— Непонятно. Съ кѣмъ вы сотрудничаете и въ чемъ вы сотрудничаете?

— Журналистъ!

— Непонятно. «Журналисты» полагаются только въ канцеляріяхъ.

— Литераторъ!

— Тоже не слѣдуетъ.

— Писатель!

— Тоже нехорошее слово.

— Да вѣдь нужно же какъ-нибудь называться?!

— Ужъ я не знаю. А только врядъ ли васъ на Сахалинъ пустятъ. Съ какой, на самомъ дѣлѣ, стати? Человѣка никто не посылалъ, а онъ ѣдетъ. Корреспондентъ, литераторъ зачѣмъ-то на каторгу поѣдетъ! Васъ, господа, много. Вѣдь, этакъ если всѣ корреспонденты поѣдутъ,—изъ каторги гулянье какое-то сдѣлаете!

— Ваше превосходительство! Опять-таки повторяю: это дѣло совершенно другое. Это

ужъ рѣшитъ генералъ-губернаторъ. Я у васъ прошу совѣта: какъ снестись съ генералъ-губернаторомъ.

— А на это есть форма, и я вамъ готовъ помочь. Подайте прошеніе, мы перешлемъ его въ канцелярію генералъ-губернатора.

— Какъ срочную бумагу?

— Зачѣмъ же особенно срочную? Никакой срочности не вижу. Когда возстановится сообщеніе.

— Да вѣдь генералъ-губернаторъ въ Камчатку уѣдетъ!

— Можетъ-быть. Затѣмъ получится отвѣтъ на ваше прошеніе, и мы сообщимъ вамъ по мѣсту вашего жительства. Такой порядокъ!

Этотъ ужъ былъ совсѣмъ для меня безнадеженъ.

Я всталъ:

— Простите, что обезпокоилъ...

Должно-быть, однако, ужъ видъ мой былъ очень растерянъ, — потому что вице-губернаторъ протянулъ мнѣ только что сдѣланную имъ папироску:

— Не угодно ли? Вы покурите. Дюбекъ лимонный. Выше средняго.

Я бросился опять на станцію:

— Когда путь исправятъ?

— Не меньше, какъ черезъ полторы недѣли.

Бросился на пороходъ:

— Точно,—когда отходимъ?

— Черезъ недѣлю.

А между тѣмъ, я знакомился со служащими во Владивостокѣ, съ людьми, служившими раньше на Сахалинѣ.

Всѣ пожимали плечами, всѣ качали головой.

— Нѣтъ, батенька, на Сахалинъ васъ врядъ ли пустятъ!

— Нѣтъ, на Сахалинъ васъ не пустятъ!

— Тутъ, батюшка, Чехова пустили,—такъ потомъ каялись! Пошли изъ Петербурга запросы. «Какъ у васъ? Что? Почему? Отчего такіе порядки?» Потомъ себя кляли, кляли, что показали!

— Но генералъ-губернаторъ? Генералъ-губернаторъ?

— Генералъ-губернатору, конечно, бояться нечего. Его изъ-за вашихъ статей не смѣстятъ! Но только ему такъ это дѣло представятъ, что онъ врядъ ли разрѣшитъ! Врядъ ли! Постараются,—представятъ!

— Надо очень служащимъ корреспондентовъ, писателей, къ этому дѣлу пускать!

Добрый вице-губернаторъ былъ правъ: слова «корреспондентъ», «писатель»—здѣсь очень нехорошія слова.

И какъ мнѣ наружно ни сочувствовали, стараясь казаться людьми просвѣщенными, но въ недружелюбно-любопытныхъ взглядахъ читалось:

— Носитъ васъ тутъ, чертей!

А между тѣмъ, все, что я узнавалъ о Сахалинѣ отъ бывшихъ каторжанъ, которыми кишмя-кишитъ Владивостокъ, все, что узналъ я изъ отрывочныхъ корреспонденцій въ старыхъ номерахъ мѣстной газеты *Владивостокъ*, изъ бесѣдъ съ сотрудниками этой газеты, изъ пьяной болтовни въ клубѣ и ресторанахъ и хвастовства бывшихъ сахалинскихъ

служащихъ,—все это разжигало и разжигало мой интересъ къ Сахалину.

Во всѣхъ этихъ разсказахъ, повѣстяхъ, похвальбѣ «подвигами» открывался уголокъ такого диковиннаго, чудовищнаго, невѣроятнаго «міра чудесъ», что не попасть туда для меня было бы ужъ невозможно.

Сахалинъ сталъ ужъ не маніей,—онъ сталъ моей болѣзнью.

А кругомъ злорадство:

— Не попадешь!

Я напаиваю въ ресторанѣ бывшаго сахалинскаго служащаго, онъ въ пьяномъ видѣ, откровенно, цинично, съ хвастовствомъ разсказываетъ, что «творилъ на островѣ», и хохочетъ мнѣ въ лицо пьянымъ смѣхомъ:

— Нда-съ, батенька! Былъ бы вамъ тамъ матерьялецъ! Есть что написать! Да нѣтъ-съ,—хе-хе!—не попадете-съ! Не дураки! Не допустятъ! Такъ и уѣдете не понюхавши!

Какъ ни дружески относилась ко мнѣ на пароходѣ вся каютъ-компанія, но въ глазахъ всѣхъ читалась обывательская радость:

— «Корреспондента ущемили!»

— Что, дорогой нашъ, назадъ поѣдемъ?

Это могло вымотать какіе угодно нервы. На время стоянки я бѣжалъ съ парохода въ гостиницу.

И, сидя во Владивостокѣ у себя въ номерѣ, я... занимался изученіемъ законовъ о бродягахъ.

Планъ былъ у меня такой.

Если все сорвется, и генералъ Духовской откажетъ, я оставлю вещи съ паспортомъ и деньгами до востребованія въ агентствѣ добровольнаго флота. Затѣмъ уѣду въ первый попавшійся городъ въ Уссурійскомъ краѣ и, одѣвшись посквернѣе, явлюсь въ полицію:

— Бродяга, не помнящій родства.

Меня арестуютъ, будутъ судить и, по обыкновенію, приговорятъ къ полутора годамъ каторжныхъ работъ на Сахалинѣ.

Попавъ въ каторгу, ознакомившись съ нею, я въ каждую данную минуту могу «открыть свою родословную». Объвить, что я такой-то, и свѣдѣнія о моей личности можно получить тамъ-то. По наведеніи справокъ,—

меня немедленно «возвратятъ въ первобытное состоянiе», освободятъ, и я выйду, великолѣпнѣйшимъ образомъ зная Сахалинъ.

Вся эта авантюра могла взять мѣсяцевъ шесть-восемь.

Я уже привыкъ къ мысли о ней, рѣшился и никакихъ другихъ надеждъ у меня уже въ то время не было.

Повторяю: вся жизнь, всѣ интересы для меня слились въ одно. Сахалинъ! Сахалинъ заслонилъ отъ меня всю жизнь. Внѣ Сахалина для меня ничего не существовало. Я ложился, вставалъ, говорилъ, ѣлъ, думая только объ одномъ,—о Сахалинѣ.

Это было что-то въ родѣ помѣшательства.

— Путь исправляется, и генералъ-губернаторъ будетъ дня черезъ три!—сказали мнѣ на станцiи.

— Ну, батенька, завтра снимаемся!—объявилъ капитанъ.

И я сѣлъ на пароходъ, не оставивъ во Владивостокѣ даже прошенiя на имя генералъ-губернатора.

Мой расчетъ былъ таковъ.

Генералъ - губернаторъ слишкомъ крупная величина, чтобы кто-нибудь изъ чиновниковъ самъ, первый, рѣшился заговорить съ нимъ обо мнѣ. И, такимъ образомъ, генералъ-губернаторъ не узнаетъ во Владивостокѣ о моемъ пріѣздѣ.

Получивъ же прошеніе, генералъ-губернаторъ можетъ заговорить о «корреспондентѣ, который проситъ разрѣшенія».

И тогда, конечно, гг. служащіе воспользуются случаемъ и «представятъ дѣло въ такомъ свѣтѣ», что я могу получить отказъ.

Я узналъ маршрутъ генералъ-губернатора.

Изъ Владивостока, который къ его пріѣзду уже украшался флагами и тріумфальными арками изъ хвойной зелени, генералъ-губернаторъ, по дорогѣ въ Камчатку, долженъ былъ зайти въ постъ Корсаковскъ, на югѣ Сахалина.

Тамъ и обращусь съ просьбою лично.

— Куда вы ѣдете?—удивлялись всѣ на пароходѣ.—Оставайтесь здѣсь, если хотите видѣть генералъ-губернатора.

— А въ Корсаковскѣ?

— Ну ужъ, батенька, эти ваши расчеты прямо вилами на водѣ писаны. Сколько времени еще генералъ-губернаторъ останется во Владивостокѣ? Можетъ, недѣлю, можетъ, двѣ. Когда придетъ въ Корсаковскъ? Мы ждать не станемъ и изъ Корсаковска уйдемъ въ Александровскъ. А вамъ безъ разрѣшенія въ Корсаковскѣ оставаться до пріѣзда генералъ-губернатора не позволятъ!

Я только подошелъ къ старшему офицеру:

— Получивъ предписаніе, вы не допускали меня до арестантовъ и до трюма. Это ваша обязаность и ваша служба. На этомъ, однако, все и кончается! Остальное вѣдь васъ не касается? Не правда ли? Обѣщаете вы мнѣ, что ни слова не скажете никому о томъ, какой приказъ получили относительно меня отъ главнаго тюремнаго управленія? Этого вѣдь вы не обязаны дѣлать?

Онъ пожалъ плечами и отвѣчалъ даже слегка обиженно:

— А мнѣ какое дѣло? Я исполняю только свои обязанности! А до остальнаго мнѣ нѣтъ

никакого дѣла. Я получилъ предписаніе, исполнилъ, а сообщать полученныхъ мною предписаній никому не обязанъ!

Стократъ да будутъ благословенны тѣ чиновники, которые дѣлаютъ только свое дѣло и въ дѣла, ихъ не касающіяся, не мѣшаются.

Я пріѣду раньше генералъ-губернатора.

— Можетъ-быть, проскочу!

«Волчій», для Сахалина, «билетъ» главнаго тюремнаго управленія лежалъ въ боковомъ карманѣ и теплою надеждой согрѣвалъ мое сердце.

Мои надежды основывались на фундаментѣ прочномъ, какъ недвижимая скала.

Я уповалъ на канцелярщину.

Мое прошеніе поступило въ главное тюремное управленіе, и оно отказало. Можетъ-быть, по тѣмъ же соображеніямъ, которыя высказалъ вице-губернаторъ во Владивостокѣ:

— Если всѣ писатели поѣдутъ на Сахалинъ,—изъ каторги сдѣлается гулянье.

Столоначальнику было поручено написать мнѣ отказъ.

Послѣдовательность требовала бы сообщить объ этомъ отказѣ и мѣстнымъ, сахалинскимъ, властямъ:

— А вдругъ человѣкъ не послушается и поѣдетъ, и утаитъ отъ мѣстныхъ властей, что ему ужъ отказано!

Но столоначальнику какое до этого дѣло?

Онъ написалъ за № такимъ-то отказъ на прошеніе за № такимъ-то, «исходящею» убилъ мои надежды, планы, возможность послужить обществу.

И больше ни до чего ему нѣтъ дѣла.

Не можетъ быть, чтобы чиновникъ заинтересовался еще и тѣмъ, чтобы отказъ былъ приведенъ въ исполненіе.

И я ѣхалъ на Сахалинъ съ одной надеждой,—что сахалинскихъ чиновниковъ никто о полученномъ мною отказѣ не предупредилъ.

На пароходѣ отъ Владивостока я попалъ уже въ сахалинскую атмосферу.

Среди пассажировъ перваго класса ѣхало нѣсколько чиновниковъ, возвращавшихся на Сахалинъ изъ отпуска. Среди пассажировъ

третьяго класса ѣхало нѣсколько торговцевъ, ссыльно-поселенцевъ, бывшихъ каторжанъ, ѣздившихъ на материкъ по дѣламъ по «проѣзднымъ свидѣтельствамъ».

Горный инженеръ, завѣдывавшій сахалинскими рудниками, разсказывалъ въ каютъ-компаніи, какъ опасна служба на Сахалинѣ, какіе каторжники злодѣи, какъ, того и гляди, убьютъ.

— Какъ же вы ими завѣдуете на рудникахъ?

— Да я ихъ близко-то стараюсь не видѣть. Единственно съ ними можно справляться,— это черезъ ихняго же брата. Черезъ надежныхъ старостъ да черезъ надзирателей. Самые лучшіе надзиратели—сами бывшіе каторжанами. Эти знаютъ всѣ ихъ повадки. Этимъ можно вѣрить безусловно!

И передо мною рисовалось это «управленіе при помощи каторжниковъ». Хорошо, должно-быть, людямъ живется!

Помощникъ начальника округа, возвращавшійся изъ отпуска, который ему былъ данъ для поправленія здоровья, предобродушно разсказывалъ:

— Анаѳемская жизнь. У меня, знаете ли, случилось что-то въ родѣ умопомѣшательства. Да! Форменное умопомѣшательство. Вообразилъ себя, представьте, лошадью. Топочу ногами и сѣна требую. Можете себѣ представить положеніе домашнихъ!

— Ну, а служба?

— На службу, понимаете, хожу. Домашніе объявить о болѣзни боятся: со службы еще сгонятъ! Думаютъ: пройдетъ! На службу хожу. Да! Боленъ, а хожу. Нельзя,—служба. Отпускаютъ меня на службу,—только стараются, какъ пойду, подъ благовиднымъ предлогомъ меня поскорѣе изъ канцеляріи домой вызвать. То, что дочь захворала. То что! Чтобъ я на службѣ какъ не сказался. Не объявилось, то-есть, что я боленъ.

— Ну, хорошо, а какъ же на службѣ? Съ вами не случалось?

— Это по лошадиной-то части? Какъ не случаться! Случалось! Когда человѣкъ умопомѣшанный! Ногами топалъ и сѣна требовалъ. Или просилъ, чтобы меня заложили. Однимъ словомъ, совсѣмъ лошадь!

— Какъ же на службѣ къ этому относились?

— Какъ относились? Извѣстно, смѣялись. Думали, просто бѣлая горячка. Допился,— и того.

— Такъ и управляли ввѣренной вамъ каторгой?

— Ничего. Управлялъ. Потомъ ужъ проврался. Шутъ знаетъ, что выдумалъ. Каланчу выстроилъ. День и ночь велѣлъ дежурному изъ каторжанъ ходить. Ну, а потомъ, какъ приказалъ колоколъ повѣсить и, при появленіи на улицѣ начальства, въ колоколъ звонить, тогда и увидѣли, что малый того... сбрендилъ. Дали отпускъ, чтобъ провѣтрился. Проѣздился и теперь ничего. Голова только временами дурна [1]).

Картины жизни обѣщали открыться не ординарныя.

А когда я на палубѣ вступалъ въ разговоръ съ ссыльно-поселенцами, на своихъ пле-

---

[1]) Бѣдняга впослѣдствіи снова, и на этотъ разъ ужъ окончательно, сошелъ съ ума и умеръ. И снова на томъ, что онъ лошадь. А каланчу, выстроенную каторжниками по его сумасшедшему приказу, онъ самъ показывалъ мнѣ въ селеніи Рыковскомъ.

чахъ вынесшими каторгу, тогда вставали и звали къ себѣ картины такого ужаса, такихъ страданій, что становилось страшно.

Эти люди, поодиночкѣ, гдѣ-нибудь за уголкомъ, чтобъ свои же собратья не замѣтили, шептали мнѣ, гдѣ, какъ, у кого, какимъ путемъ добиться, доискаться правды.

На пароходѣ шла ссыльно-поселенка, интеллигентная женщина, когда-то сосланная за убійство мужа.

Она говорила:

— И если вы, ваше высокоблагородіе, напишете правду,—никто вашей книгѣ не повѣритъ. Такова эта правда!

Эта интеллигентная женщина, говорившая «ваше высокоблагородіе», не старая по годамъ и старуха лицомъ, съ выраженіемъ ужаса, такъ разъ навсегда и застывшимъ во взглядѣ, и безъ словъ, однимъ своимъ видомъ говорила, что такое каторга.

— Что вы, ваше высокоблагородіе, увидите! Что увидите!

Да, но дадутъ ли увидѣть?

Придется ли?

И вотъ, раннимъ утромъ въ чистомъ, прозрачномъ, морозномъ воздухѣ передъ нами вырисовался на горизонтѣ снѣгомъ покрытый Крильонъ,—южный мысъ острова Сахалина.

16-го апрѣля, позднимъ вечеромъ, пароходъ «Ярославль» отдалъ якоря въ заливѣ Анива въ виду мерцавшаго Корсаковскаго маяка.

Съ кормы, прорѣзая непроглядную тьму, взвилась и разсыпалась искрами въ небѣ ракета. И черезъ нѣсколько минутъ на балкончикѣ передней мачты раздался протяжный крикъ вахтеннаго матроса:

— Съ берега катеръ!

Въ волнахъ то мелькали, то скрывались три огонька приближавшагося парового катера тюремнаго вѣдомства.

И черезъ полчаса по спущенному трапу съ веселыми возгласами: «Здравствуйте!» «Здравствуйте!» «Какъ плавалось?» «Все ли въ добромъ?»—гуськомъ поднимались на пароходъ закутанные въ шинели, продрогшіе, измокшіе тюремные чиновники.

Тѣ, кто держалъ въ рукахъ мою «судьбу».

Минутъ черезъ десять я вошелъ въ каютъ-компанію.

Можно было подумать, что я попалъ за кулисы во время представленія «Ревизора».

Актеры, загримированные гоголевскими персонажами, пили водку, закусывали, чавкали.

Стоялъ шумъ, гамъ, смѣхъ.

Администрація парохода угощала, чтобы не дѣлали затрудненій при выгрузкѣ товаровъ.

Даже имена у этихъ людей были какія-то необыкновенныя. Одного звали «Павлиномъ». Если отъ этого пахло Гоголемъ, — то отъ фамиліи другого, помошника смотрителя тюрьмы, — «Акула-Кулакъ» — отдавало прямо Щедринымъ.

Я даже не повѣрилъ, когда онъ сказалъ это.

«Нарочно, что ли? Смѣется?»

И переспросилъ у другого:

— Какъ его?

— Акула-Кулакъ. Двойная!

Фамилія для помощника смотрителя тюрьмы!

Лица у всѣхъ были грубыя. На удивленіе грубыя. Не въ томъ смыслѣ грубыя, что бы-

ли красны, обвѣтрѣли. А въ чертахъ лицъ сквозила страшная грубость душевная.

Мѣсяцевъ семь-восемь люди не видали, какъ они выражались, «живого человѣка». Это былъ первый пароходъ, который пришелъ сквозь льды послѣ «зимней спячки».

Они обрадовались «вольнымъ людямъ», пили, разспрашивали, говорили всѣ разомъ, кричали, орали.

— Коньяку!

— Рому сюда!

— Мнѣ очищенной!

Пароходная прислуга моментально въ этомъ содомѣ сбилась съ ногъ:

— Чисто нашествіе!

Когда я увидѣлъ кругомъ какихъ-то Сквозникъ-Дмухановскихъ, Свистуновыхъ и Держимордъ, — у меня мелькнула веселая мысль:

Сыграть Хлестакова?

Я подошелъ къ смотрителю тюрьмы и прямо спросилъ:

— Когда я могу осмотрѣть ввѣренную вамъ тюрьму?

Должно-быть, тонъ былъ хорошъ, потому что смотритель даже приподнялся съ мѣста:

— Когда вамъ будетъ угодно!

— Великолѣпно. Значитъ, завтра утромъ я явлюсь къ вамъ...

Единственный интеллигентный человѣкъ, молодой докторъ, — человѣкъ чрезвычайно милый, славный хорошій,—увидавъ литератора, сейчасъ же счелъ долгомъ подлетѣть ко мнѣ.

Какъ разъ въ эту минуту онъ выросъ около меня:

— А вы, скажите, въ главное тюремное управленіе обращались?

Только этого недоставало.

Я чувствовалъ, что на меня «воззрились»,— и отвѣчалъ съ апломбомъ:

— Да! Теперь отъ мѣстныхъ тюремныхъ властей зависитъ помочь мнѣ въ моемъ трудѣ и ознакомить меня наиболѣе подробно...

Бѣдняга-смотритель, еле грамотный сибирякъ, отвѣчалъ растерянно:

— Помилуйте-съ... Мы со своей стороны... что же-съ...

Я поспѣшилъ улизнуть отъ «опаснаго» доктора.

Но это было не такъ-то легко! За семь мѣсяцевъ докторъ намолчался и теперь желалъ отвести душу.

На мое несчастье, онъ даже не пилъ и другой услады, кромѣ разговора со мной, для него не было.

Не успѣлъ я отойти отъ него и ввязаться въ разговоръ съ интересовавшими меня чиновниками, какъ около зазвенѣлъ его жиденькій тенорокъ:

— Да! Насъ, къ сожалѣнію, перебили! Такъ что же отвѣтило вамъ главное тюремное управленіе? Это въ высшей степени интересно знать съ принципіальной точки зрѣнія. Какъ главное тюремное управленіе относится къ гласности и къ попыткѣ освѣтить...

Я наобумъ вставилъ какое-то слово, въ какой-то разговоръ, кажется, объ ананасахъ,—раздававшійся на другомъ концѣ стола.

— Вы объ ананасахъ? Всѣ эти цейлонскіе... Виноватъ, докторъ!.. Всѣ эти цейлонскіе... въ сравненіи съ оранжерейными...

И бросился туда.

Но докторъ шелъ за мной по пятамъ.

Онъ стоялъ около, поправляя очки и дожидаясь первой паузы. Я говорилъ, говорилъ, говорилъ безъ конца, спорилъ, возражалъ, стараясь не дать умолкнуть разговору.

Но собесѣдникъ выпилъ, началъ закусывать,—докторъ воспользовался, и опять зазвенѣлъ его высокій тенорокъ:

— Да, такъ вы мнѣ и не отвѣтили на вопросъ. Что же именно отвѣтило на ваше ходатайство главное тюремное управленіе? Это въ высшей степени интересно знать, по возможности даже въ точныхъ выраженіяхъ, для того, чтобъ опредѣлить, какое отношеніе въ настоящее время наблюдается въ Петербургѣ къ органамъ общественной гласности...

Докторъ! Заботясь о гласности, онъ топилъ ее представителя!

Ужасно «принципіально» болтливъ россійскій интеллигентъ!

Я съ ужасомъ, подъ какимъ-то предлогомъ, кинулся отъ доктора на другой конецъ каютъ-компаніи и самымъ горячимъ образомъ

врѣзался въ какой-то разговоръ,—кажется, о слонахъ.

Словно рѣчь шла о моихъ ближайшихъ родственникахъ.

Но докторъ, съ очками, которыя отъ нетерпѣнія не сидѣли на носу,—былъ и здѣсь. Онъ съ пискомъ кричалъ:

— Позвольте, господа! Минуту молчанія! Тутъ въ высшей степени важный въ принципіальномъ отношеніи вопросъ объ отношеніи въ Петербургѣ къ гласности...

— Да бросьте! Дайте водку пить!—грубо прервалъ его смотритель тюрьмы.

— И я съ вами съ удовольствіемъ!

Я принялся пить водку съ моимъ спасителемъ.

Но докторъ не унимался.

— А вы увѣдомите завтра военнаго губернатора о вашемъ пріѣздѣ?

— Завтра же! Завтра!

— Въ высшей степени будетъ интересно знать, въ принципіальномъ отношеніи, какъ отнесется губернаторъ къ представителю гласности. Вы мнѣ завтра передадите, что вамъ

отвѣтитъ изъ Александровска нашъ губернаторъ?

Докторъ, рѣшительно, всѣмъ надоѣлъ. Онъ мѣшалъ пить водку.

— Да губернатору нельзя телеграфировать! На Александровскъ линія испортилась!—досадливо отвѣтилъ почтовый смотритель.

Рѣшительно, обстоятельства складывались какъ нельзя болѣе благопріятно для меня,— и докторъ, какъ потомъ оказалось, дѣлалъ мнѣ невольно величайшую услугу, какая только была въ его возможности.

Смотритель тюрьмы потомъ, въ одну изъ откровенныхъ, пьяныхъ минутъ, говорилъ мнѣ, лукаво прищуриваясь:

— А я вѣдь замѣтилъ тогда, какъ вы отъ доктора-то бѣгали! Когда онъ къ вамъ со своими «гуманностями» приставалъ!

Не знаю, что именно подозрѣвалъ сибирякъ-смотритель подъ этимъ словомъ. Но все, что ни говорилъ и ни дѣлалъ докторъ, — онъ называлъ съ презрѣніемъ и ненавистью:

— Гуманности!

Очевидно, за этимъ словомъ смотрителю, оравшему арестантамъ: «я тебѣ царь и Богъ!» — чудилось все страшное: конецъ произвола, конецъ «сверхъурочныхъ» въ его, смотрителеву, пользу работъ каторжанъ, конецъ кормленія «баландой», конецъ крѣпостного владѣнія «ввѣренными» каторжанами.

И онъ ненавидѣлъ молодого, просвѣщеннаго доктора, какъ вѣстника этого «конца», — ненавидѣлъ всѣми силами своей души.

— Гуманности разводить! Гуманности! — оралъ онъ, въ нетрезвомъ видѣ, колотя кулакомъ по столу, какъ по доктору. — Вотъ гдѣ онъ у меня сидитъ! Каторгѣ потакать! Мнѣ первый противникъ! Я — «выдрать», а онъ свидѣтельство: «нельзя, боленъ».

Смотритель ненавидѣлъ доктора.

И то, что я «бѣгалъ» отъ доктора, онъ истолковалъ самымъ сквернымъ для меня, самымъ лестнымъ, съ его точки зрѣнія, образомъ.

— Я сразу, батенька, увидѣлъ, что вы не изъ ихъ брата! Сразу человѣка видать! Выпьемъ!

На слѣдующій день, рано утромъ, передо мной открылись двери тюрьмы.

Я восхищался всѣмъ, что видѣлъ. Повторялъ фразу, которой можно подкупить любого изъ сахалинскихъ служащихъ:

— Да какая же это каторга? Это совсѣмъ не каторга!

Высматривая все, я на словахъ больше всего интересовался положеніемъ служащихъ, это ихъ тоже очень трогаетъ:

— Ну, я думаю, вамъ, господа, вѣдь ужасно тяжело?!

И смотритель былъ «мой».

Хвастаясь искусствомъ каторжанъ-мастеровыхъ, онъ показывалъ мнѣ тѣ сверхъурочныя работы, которыя они дѣлали на него, на служащихъ.

— Изо всѣхъ силъ стараюсь, чтобы гг. служащимъ было хорошо!

— У васъ такая масса обязанностей, такая масса обязанностей!—пѣлъ я.—Мнѣ, право, такъ совѣстно отнимать у васъ время. Вы позволите мнѣ посѣщать тюрьму ужъ одному?

Очарованный отсутствіемъ у меня «жалкихъ словъ» и «гуманностей», смотритель отвѣчалъ:

— Вотъ и великолѣпно! А то работы, дѣйствительно, не оберешься! Я отдамъ приказаніе у воротъ, чтобы васъ пропущали! Вы ужъ позвольте съ вами не церемониться.

— Помилуйте!

Онъ повелъ меня къ себѣ обѣдать,—и пришелъ въ окончательный восторгъ, когда я попросилъ водки, какъ и онъ, «лафитный стаканчикъ».

— А то что это: рюмка! Воробья угощать:

Смотритель остался совсѣмъ мною доволенъ!

— Вотъ это по-нашенски! По-сибирски!

Нѣсколько труднѣе было главное начальство Корсаковска, смотритель округа.

Когда я ему сдѣлалъ визитъ, онъ сказалъ:

— А знаете, докторъ былъ вѣдь правъ. Интересно, что отвѣтитъ его превосходительство, г. губернаторъ. Это необходимо знать!

— Да вѣдь пароходъ простоитъ дней десять, не больше,—отвѣтилъ я съ беззаботнѣйшей улыбкой,—а телеграфную линію ко-

гда исправятъ? Вы сами знаете... тайга... Я увѣдомлю о своемъ прибытіи губернатора, а пароходъ ужъ отойдетъ. Какъ же исполните разрѣшеніе губернатора?

— Н-да.. Пожалуй! — согласился начальникъ округа.

Въ тюрьмѣ теперь я могъ хоть дневать и ночевать:

— Начальникъ округа разрѣшилъ!

— Ну, а разрѣшилъ, мнѣ какое дѣло! Хотите, батенька, видѣть тюрьму во всемъ ея великолѣпіи,—сказалъ мнѣ смотритель,—ужъ попрошу ко мнѣ въ четыре часа утра. Я встаю по-сибирски. Раненько.

Я вскакивалъ и шелъ къ смотрителю, когда еще было темно, по заиндивѣвшимъ мосткамъ тротуара.

Смотритель встрѣчалъ меня... водкой.

Даже моя способность безнаказанно пить много служила мнѣ службу.

Натощакъ, безъ чая, съ отвращеніемъ, я «хлопалъ» со смотрителемъ два «лафитныхъ стаканчика» и ѣлъ селедку.

— Я, батюшка, человѣкъ простецкій,— говорилъ смотритель,—чаевъ, кофеевъ не понимаю. Хлобызнулъ «бельвейну» — и правъ.

Мы шли на «раскомандировку».

Въ отребьяхъ, давясь затяжнымъ, катарральнымъ кашлемъ, выходили изъ смрадныхъ тюремныхъ бараковъ каторжане и, стоя шпалерами, дрогли на морозномъ утреннемъ воздухѣ, не попадая зубъ на зубъ.

Мрачный, невыспавшійся, «обалдѣвшій», по его выраженію, съ двухъ стакановъ водки, являлся смотритель,—и начинались назначеніе на работы, судъ и расправа за вчерашнее.

— А пойди-ка ты сюда...

Что тутъ творилось!

Я видѣлъ *обычный* порядокъ тюрьмы.

Я подчеркиваю это слово. Ради него я пилъ водку, когда всѣ внутренности переворачивались отъ этого, слушалъ и поддакивалъ всѣмъ отвратительнымъ откровенностямъ и изліяніямъ смотрителя. Голова часто шла кругомъ отъ того, что совершалось передо мной. Но я старался владѣть собой,

владѣлъ и, съ виду, спокойно смотрѣлъ на все, что бы ни дѣлалось.

Мнѣ надо было видѣть Сахалинъ такимъ, каковъ онъ есть. А не прикрашеннымъ для «знатнаго посѣтителя».

Мнѣ нужна была правда, жестокая, но настоящая правда. Я долженъ былъ все видѣть самъ, своими глазами. И что бы я ни чувствовалъ, молчать, не вмѣшиваться, не мѣшать совершаться *всему*, что совершается обычно, каждый день, когда не боятся нескромнаго посторонняго глаза.

— Я за что васъ люблю!—говорилъ мнѣ коснѣющимъ языкомъ смотритель, когда вечеромъ, послѣ «наряда», обхода тюрьмы и назначенія завтрашнихъ экзекуцій мы шли къ нему ужинать. Тутъ ужъ онъ пилъ «въ свое удовольствіе».

— Мнѣ что въ васъ нравится,—говорилъ онъ:—съ вами я все могу! Вы человѣкъ понимающій! Не ахаете, не охаете, «жалкихъ словъ» не говорите, «гуманностей» не разводите! Вы можете понимать служащаго! Я, батюшка, старый варнакъ! «Разгильдѣевецъ!»

Каріецъ! Сибирякъ природный! Мой отецъ смотрителемъ тюрьмы былъ и померъ. Я самъ на нарахъ родился! Подъ нарами выросъ! Мы, извините, о «гуманностяхъ» не наслышаны. Каторга,—такъ она и будь, дѣйствительно, каторгой! Сказано: арестантъ, —и все! Для раскаянія преступникъ! Такъ я его и заставлю ежечасно каяться!

И онъ пускался передо мной въ откровенности.

— А докторишки эти пошли...

Его маленькіе глаза наливались кровью.

Я «съ головой ушелъ въ каторгу». Переѣхалъ на берегъ и поселился у семейнаго ссыльно-каторжнаго, которому разрѣшено было жить «на волѣ».

Утромъ и вечеромъ я присутствовалъ на «раскомандировкѣ» и «нарядѣ»,—два важнѣйшихъ момента въ повседневной жизни тюрьмы. Днемъ ѣздилъ на работы или, въ той же тюрьмѣ, бесѣдовалъ съ арестантами, съ подслѣдственными, въ кандальной, въ карцерахъ. «Благо, смотритель позволилъ», — надзиратели, получая полтинники, готовы

были наизнанку вывернуть предо мною тюрьму.

Вечеромъ, часовъ до двѣнадцати, у меня не было отбоя отъ поселенцевъ, которыхъ я желалъ видѣть, или которые меня желали видѣть.

Урывками, днемъ я долженъ былъ — совсѣмъ Хлестаковъ! — принимать просителей.

Въ первое же утро, когда я, послѣ «раскомандировки», заѣхалъ домой умыться и выпить чаю, меня встрѣтила у крыльца цѣлая толпа поселенцевъ и поселенокъ. Бабы заголосили, мужики сняли шапки, нѣкоторые повалились въ ноги.

Жалобъ, горя, стоновъ накопилось на этомъ «островѣ страданія» столько, что малѣйшій поводъ,—и все это море страданій ходуномъ пошло.

Беззащитные и безпомощные, они услышали, что пріѣхалъ какой-то господинъ, «все осматриваетъ». И, вѣроятно, «приняли меня за ревизора».

Сколько я ни объяснялъ, что не могу ничего сдѣлать, что я не начальство,— они вопили:

— Ежели и ты ничего сдѣлать не можешь, кто же сдѣлаетъ?!

Они не вѣрили:

— Сказывается только, что нс начальство. Ежели бъ не былъ начальствомъ, зачѣмъ бы ему все показывать стали! На казенныхъ лошадяхъ ѣздитъ!

Жалобы приходилось выслушивать до конца:

— Да ты выслушай хоть! Выслушай! Тамъ что положишь, а ужъ выслушай!

И въ этихъ жалобахъ всѣми сторонами поворачивалась передо мною ужасная ссыльно-поселенческая жизнь.

— Вотъ она каторга-то!—вопили просители.—Съ поселенчества каторга зачинается, а не въ тюрьмѣ! Ты пойди, провѣрь, самъ посмотри.

Я шелъ, ѣхалъ, провѣрялъ, убѣждался въ правотѣ однихъ, во лжи другихъ.

Съ перваго дня на Сахалинѣ я поставилъ себѣ за правило:

— Не вѣрить ничему!

Не вѣрьте даже тому, что стоящій передъ вами Ивановъ есть, дѣйствительно, Ивановъ: на каторгѣ «смѣнка» именами и,—за гроши,—наказаніями самая обыкновенная вещь. Отъ горя, отъ страданія, отъ мерзости натуры, вольно, невольно—на Сахалинѣ все изолгалось. У каторги есть тысячи своихъ расчетовъ, побужденій васъ обмануть. Кругомъ масса людей, готовыхъ васъ эксплоатировать.

Пусть всѣ говорятъ вамъ:

— Такой-то плохъ. Такой-то жестокъ. Такой-то хорошъ, добръ, честенъ.

Не вѣрьте. Провѣряйте. Убѣдитесь сами. Не убѣдившись, не рискуйте писать. Часто окажется противоположное.

Не вѣрьте служащимъ. Имъ есть расчетъ скрыть отъ васъ многое. Презирая, они не интересуются, не знаютъ внутренней жизни каторги.

Часто арестантъ, котораго вамъ называютъ «величайшимъ негодяемъ», окажется величайшимъ страдальцемъ, жертвой надзирателей, интригъ своей же братіи, тюрьмы. Часто «образцовый арестантъ» и «великолѣпный че-

ловѣкъ, котораго даже жаль», окажется величайшимъ негодяемъ, ловкимъ притворщикомъ.

Не вѣрьте самымъ свѣтлымъ личностямъ среди служащихъ, такимъ, къ кому васъ тянетъ всей душой, каждому слову которыхъ, казалось бы, нельзя не вѣрить. Борьба съ произволомъ, безсиліе этой борьбы, вѣчныя картины страданія передъ глазами, озлобили или измучили ихъ, сдѣлали пристрастными. Съ самыми добрыми, съ самыми лучшими намѣреніями, но они часто заблуждаются сами и невольно введутъ въ заблужденіе васъ.

Ничему не вѣрьте. Не вѣрьте горю, не вѣрьте страданію, словамъ, слезамъ, стонамъ. Вѣрьте своимъ глазамъ.

Оставайтесь слѣдователемъ, спокойнымъ, безстрастнымъ, все провѣряющимъ, во всемъ сомнѣвающимся, все взвѣшивающимъ.

Никогда въ жизни я не чувствовалъ себя такимъ бодрымъ и сильнымъ, какъ на Сахалинѣ. Мой «рабочій» день начинался въ 4 часа утра и кончался въ полночь, иногда

за-полночь. Трехъ-четырехъ часовъ сна было совершенно достаточно. Все, что я добился увидѣть, такъ увлекло, захватило меня, что никогда за все время ни на секунду я не почувствовалъ усталости.

— Знаете, я начинаю бояться за васъ,— говорилъ мнѣ знакомый, бродяга Сокольскій.

— Чего?

— Слишкомъ много къ вамъ обращаются съ жалобами. Вы все разслѣдуете. Вѣдь ихъ ничѣмъ не убѣдишь, что вы не начальство. Они ждутъ отъ васъ «послѣдствій». Среди нихъ вѣдь есть люди, потерявшіе голову отъ горя, отъ страданій. Стоитъ кокому-нибудь дураку пустить слухъ, что «послѣдствій» никакихъ нѣтъ, потому что вы подкуплены служащими,—и ваша пѣсенка спѣта. Какой-нибудь отчаявшійся уже «подавать просьбы» и «добиться правды», въ изступленіи пырнетъ васъ ножомъ. Я слыхалъ уже разговоръ: «Ежели и этотъ, изъ Петербурга присланный, ничего не сдѣлаетъ, — значитъ, правда совсѣмъ замерла».

Два человѣка мнѣ оказали неоцѣненныя услуги.

Первый—этотъ Сокольскій. Преступленіе, несчастье или семейная тайна,—все бываетъ,— заставили его «скрыть родословіе», сказаться непомнящимъ родства и пойти на полтора года въ каторгу,—я не знаю. На эту тему съ бродягами не говорятъ.

Человѣкъ молодой, интеллигентный,—несомнѣнно бывшій студентъ Московскаго университета,—когда мы съ нимъ хорошо познакомились, передалъ мнѣ свою начатую рукопись:

— «Записки съ мертваго острова».

Какъ многіе интеллигентные люди, онъ, попавъ въ каторгу, рѣшилъ «хоть послужить страждущимъ собратьямъ». Такихъ «началъ рукописи» у кого нѣтъ! И какъ у всѣхъ,— за двумя-тремя исключеніями, — рукопись дальше десяти страницъ не пошла.

Я познакомился съ Сокольскимъ, когда его выпустили изъ кандальной. А посаженъ онъ былъ туда за пьянство, сбытъ фальшиваго рубля и драку въ балаганѣ, куда нанялся «представлять» по случаю Пасхи.

Все время, пока я былъ въ Корсаковскѣ, Сокольскій не пилъ:

— Самому не удалось, помогу вамъ въ вашемъ дѣлѣ бытописателя каторги.

Насъ сблизили съ нимъ бесѣды, воспоминанія о Москвѣ, споры, — что въ Россіи сближаетъ и интеллигентныхъ людей, какъ не споры! Вездѣ разъединяютъ, а у насъ они сближаютъ. А главнымъ образомъ,—разговоръ о томъ, чѣмъ отличается теперешняя каторга отъ «Мертваго дома» Достоевскаго.

Самъ каторжанинъ, этотъ интеллигентный, умный человѣкъ, былъ мнѣ очень полезенъ совѣтами, указаніями и своими горестными познаніями.

— Вотъ интересный типъ... Вотъ интересная личность...—указывалъ онъ мнѣ.—Я вамъ его приготовлю.

И «приготовлялъ» мнѣ своего товарища, разъяснялъ ему, кто я, что я, что меня бояться нечего,—и человѣкъ, вѣря «своему», не боясь и не чуждаясь меня, говорилъ со мной часто объ очень интимныхъ и очень щекотливыхъ вещахъ.

Не разъ въ Корсаковскѣ я получалъ несомнѣнныя доказательства полнаго довѣрія ко мнѣ со стороны каторги. Такого довѣрія, дальше котораго итти нельзя. Были даже бродяги, которые просили меня, когда пріѣду въ Россію, дать о нихъ вѣсточку ихъ роднымъ. Говорили, кто ихъ родные,—и это впослѣдствіи оказалось правдой. А дальше этого довѣріе въ тюрьмѣ итти не можетъ. Это ужъ значитъ отдавать въ руки человѣка участь, судьбу свою и близкихъ.

Для изнанки тюрьмы мнѣ былъ полезенъ Сокольскій. Для изнанки поселеній—одинъ изъ корсаковскихъ служащихъ, В. Н. Бестужевъ.

Бывшій издатель газеты въ Москвѣ, исправникъ въ Сибири, путешественникъ по Аргентинѣ, — кто бы могъ думать, что я встрѣчу его въ роли смотрителя поселеній на Сахалинѣ!

Прямо сама судьба мнѣ покровительствовала.

Съ нимъ ужъ мнѣ стѣсняться было нечего,—мы были старыми пріятелями съ Москвы, на «ты».

Въ чемъ другомъ, а въ смѣлости этому человѣку отказать было нельзя. Моя «авантюра» съ «волчьимъ паспортомъ» въ карманѣ привела его въ восторгъ своей «отчаянностью».

— Ловко! — грохоталъ онъ, давясь отъ хохота.—Нѣтъ, если тебѣ губернаторъ откажетъ, хороши они будутъ!

Съ полной и чистосердечной откровенностью онъ посвящалъ меня во всѣ тайны и мелочи поселенческаго быта. Лучшимъ доказательствомъ его правдивости было то, что онъ прежде всего и главнымъ образомъ «отдѣлывалъ» себя:

— Хочешь видѣть самыхъ несчастныхъ, самыхъ голодныхъ поселенцевъ, — мои. Ну, самъ ты посуди: я своего хозяйства устроить никогда не умѣлъ, какъ же чужое облажу?

И дѣйствительность спѣшила оправдать его слова.

На слѣдующій день, когда Бестужевъ сидѣлъ у меня,—подъ окнами выросла толпа его поселенцевъ, пришедшихъ за нимъ съ поселья.

— Ваше высокоблагородіе! Жрать нечего! Способовъ никакихъ нѣту!

— Да вы чего же, черти, за мною притащились?

— Да что хочешь, то съ нами и дѣлай! Что дома, что здѣсь,—съ голода дохнемъ!

— Вотъ такъ и всегда!—пояснилъ мнѣ Бестужевъ.—Какъ галчата за галкой—со мной.

А вечеромъ, въ канцеляріи начальникъ округа при мнѣ съ отчаяніемъ говорилъ Бестужеву:

— Владиміръ Николаевичъ!!! Какъ хотите, а только вы уѣзжайте изъ Корсаковска! Пусть ваши дьяволы за вами назадъ на поселье идутъ! Невозможно! Въ «посту» 22 кражи въ одинъ день! Все ваши! Грабятъ! Того и гляди, рѣзать начнутъ!

Бестужевъ говорилъ мнѣ зато:

— Да ты не вообрази, однако, что это у меня только!

И съ такой же откровенностью посвящалъ меня во всю подноготную, что дѣлается и у другихъ.

Но и Бестужеву и Сокольскому я не вѣрилъ ни въ одномъ словѣ безъ провѣрки.

Мнѣ нужно было, напримѣръ, узнать: дѣйствительно ли на Сахалинѣ есть служащіе, которые промышляютъ торговлей водкой.

Мнѣ указали такое лицо. Сомнѣній, кажется, быть не могло. Всѣ, кого спросишь...

Но мнѣ надо было убѣдиться «воочію».

Позднимъ вечеромъ я шагахъ въ двадцати пробирался сзади за поселенцемъ, который шелъ купить, по моему порученію, водки.

Спрятавшись за уголъ, я самъ видѣлъ, какъ онъ постучался, какъ лакей служащаго, ссыльно-каторжный, довольно интеллигентный человѣкъ, открылъ дверь.

Я слышалъ ихъ разговоръ. Торгъ:

— Три!

— Возьми два цѣлковыхъ.

— Въ позднее время у насъ три.

Видѣлъ, какъ лакей вынесъ и передалъ бутылку водки.

Все? Но, можетъ-быть, лакей торгуетъ отъ себя? И, говоря «у насъ», обманываетъ поселенцевъ?

На слѣдующій день я выдумалъ какую-то справку, отправился къ служащему, въ разговорѣ очень интересовался, какъ онъ устроился, просилъ показать квартиру и, только увидавъ въ спальнѣ батарею бутылокъ въ пятьдесятъ водки, увѣровалъ, Ѳома невѣрный.

— Запасецъ имѣете?—посмѣялся я.

— Пріятели зайдутъ!

Это пятьдесятъ-то бутылокъ!

Только тогда я рѣшился занести свѣдѣніе, какъ фактъ, въ свою записную книжку.

Имѣлъ ли я право поступить иначе? А если всѣ лгутъ на служащаго, будучи на него за что-нибудь злы? Быть-можетъ, на него злы за то, что онъ справедливо и законно строгъ, не даетъ незаконныхъ потачекъ? Быть-можетъ, онъ-то и преслѣдуетъ спаиванье каторги, нищей, но пропивающей все, что добудетъ цѣной преступленія?

И за то, что онъ мѣшаетъ добывать водку, на него клевещутъ и стараются его «спихнуть»?

Могъ ли, имѣлъ ли я право вѣрить, не убѣдившись своими глазами?

Имѣлъ ли я право отбросить какой-либо способъ провѣрки, когда цѣлью моей было сказать обществу о Сахалинѣ одну только правду, несомнѣнную правду, всю правду?

Такъ я «купался въ каторгѣ», съ ужасомъ ожидая, вотъ-вотъ мнѣ объявятъ:

— А телеграфное сообщеніе-то съ Александровскомъ возстановлено. Можете послать губернатору телеграмму.

Въ самый разгаръ моихъ работъ я вдругъ получилъ досадное приглашеніе.

Главное начальство Корсаковска, начальникъ округа просилъ меня обѣдать.

Сахалинскіе чиновники рѣшили показать пріѣзжему корреспонденту, что они не лыкомъ шиты, а «какъ и вся интеллигенція». Живутъ не какъ-нибудь, а «какъ слѣдуетъ».

Это былъ самый необыкновенный парадный обѣдъ.

Молоденькая горничная...

Ее въ «Россіи» выдали замужъ очень рано, противъ воли. Мужъ былъ ей «противенъ». Смазливая бабенка предложила мужу, пристававшему къ ней съ любезностями:

— Давай вотъ какъ играть. Будто я тебя буду наказывать. Привяжу тебя къ скамейкѣ, — а ты будто будешь проситься, чтобъ я тебя отпустила!

Растаявшій отъ нѣжности мужъ согласился на новую «утѣху». Жена прикрутила его къ лавкѣ и топоромъ изрубила на мелкіе куски.

Просто и ужасно.

— Ужъ больно противенъ мнѣ былъ со своими ласками! — какъ объясняетъ она.

Она бойко, предупредительно и ловко служила за столомъ и весело звенѣла тарелками.

Лакей, — онъ служилъ официантомъ въ Москвѣ и убилъ пьянаго гостя съ цѣлью ограбленія,—гордый тѣмъ, что его облачили въ какой-то старый сюртукъ, священнодѣйствовалъ въ бѣлыхъ нитяныхъ перчаткахъ.

Послѣ супа онъ даже рявкнулъ у меня за спиной:

— Хересъ? Мадера?

Совсѣмъ — какъ на поминкахъ.

Поваръ, — тоже изъ каторжанъ, зарѣзалъ изъ ревности жену,—по случаю торжествен-

наго случая, видимо, старался показать все свое искусство.

Онъ «загибалъ» невѣроятныя блюда. Рыба была въ видѣ пудинга, заливная дичь напоминала съ вида какое-то шоколадное пирожное, форшмакъ былъ сдѣланъ въ видѣ «рыбки-съ».

— Кажется, недурной поваръ, — самодовольно говорилъ начальникъ округа, любуясь эффектами, — только портитъ много. Запиваетъ. Однимъ карцеромъ его и спасаю.

Совсѣмъ—словно во времена крѣпостного права!

Когда я, немножко запоздавъ, явился на обѣдъ, вся «интеллигенція», гг. служащіе, были въ сборѣ. И первымъ, кого я увидѣлъ среди нихъ,—былъ докторъ.

Онъ шелъ ко мнѣ, улыбаясь и поправляя очки:

— Очень радъ васъ видѣть! Очень радъ!

Чего я не раздѣлялъ.

Опять заговоритъ о разрѣшеніи главнаго тюремнаго управленія.

— Наконецъ, поговоримъ!

Не видавшись съ докторомъ, я зналъ его великолѣпно.

Зналъ по ругани гг. служащихъ.

Молодой, просвѣщенный, гуманный, одушевленный самыми лучшими намѣреніями,— его никто терпѣть не могъ.

Онъ боролся за каторгу.

Какъ могъ, не давалъ пороть по смотрительскому произволу.

— Потихоньку ужъ отъ него деру! — горько жаловался мнѣ смотритель тюрьмы.

Докторъ свидѣтельствовалъ передъ поркой и дѣлалъ заключеніе: «тѣлеснаго наказанія состояніе здоровья не позволяетъ».

— Бунтуетъ каторгу!

Онъ доводилъ до свѣдѣнія начальника округа, что въ тюрьмѣ кормятъ тухлятиной, мало даютъ хлѣба, что каторжане отъ этого лишаются силъ, не могутъ исполнять «уроковъ» и подвергаются за это наказаніямъ, вконецъ подрывающимъ ихъ здоровье.

— Ябедникъ!

Къ этому человѣку меня тянуло всей душой. Хотѣлось отвести съ нимъ душу отъ окружающей жестокости, произвола, невѣжества и дикости. Просто хоть отъ всего сердца пожать ему руку.

Но я долженъ былъ далеко держаться отъ доктора. «Дружба» съ нимъ могла бы заставить тюремныхъ служащихъ быть настророжѣ:

— Эге! Этотъ тоже изъ нихъ, изъ «гуманныхъ». При немъ поберечься.

А онъ былъ мнѣ тоже необходимъ: отъ него зависѣло показать мнѣ одинъ изъ интереснѣйшихъ уголковъ каторги—лазаретъ.

Теперь за обѣдомъ докторъ «отвелъ душу».

Не успѣлъ я проглотить первой ложки какого-то диковиннаго супа съ крестами и звѣздами изъ моркови, какъ зазвенѣлъ тоненькій тенорокъ доктора:

— Ну, а скажите, пожалуйста! У васъ тамъ, въ Россіи, появились теперь неомарксисты. Какого вы о нихъ мнѣнія?

И едва я успѣлъ объяснить, какого я мнѣнія о неомарксистахъ и приняться за рыбу, какъ жиденькій тенорокъ зазвенѣлъ:

— Такъ-съ. А какъ вы относитесь къ народникамъ?

— Онъ говорилъ, кричалъ, спорилъ, не ѣлъ, не давалъ ѣсть, не позволялъ никому, кромѣ меня, сказать ни слова.

— Вотъ всегда такъ, — жаловался потомъ смотритель тюрьмы,—сойдемся для удовольствія, а онъ отравитъ! Именины, — и тѣ отравляетъ.

Служащіе тюремнаго вѣдомства съ удивленіемъ слушали «дикія и непонятныя слова», которыя мы съ докторомъ выпаливали.

Милый докторъ! Онъ еще не остылъ отъ Петербурга. Отъ него вѣяло горячностью студенческихъ кружковъ. Онъ еще оставался горячимъ юношей-спорщикомъ и «гонялъ меня по всей программѣ».

Когда, наконецъ, подали какой-то рогъ изобилія, изъ котораго валились вареные фрукты, догонявшій меня до полной усталости докторъ довольно откинулся на стулъ.

— Ну-съ, теперь мы васъ проэкзаменовали. Экзаменуйте вы насъ!

И когда мы встали изъ-за стола, докторъ подошелъ ко мнѣ и, протягивая руку, сказалъ:

— Ну-съ, теперь, познакомившись, я могу показать вамъ все, что вамъ будетъ угодно!

Я взглянулъ на доктора почти съ ужасомъ.

Оттого, какъ я отзовусь о марксистахъ или народникахъ, зависѣло, — узнаю ли я правду!

Со смотрителемъ тюрьмы надо пить водку «лафитными стаканчиками», какъ дѣлаетъ онъ. Съ докторомъ надо думать о марксистахъ и народникахъ такъ, какъ думаетъ онъ.

Человѣкъ ѣдетъ, дѣйствительно страдаетъ, дѣйствительно мучится. Человѣкъ хочетъ добиться истины и сказать эту истину людямъ.

И стоило мнѣ «не такъ» сказать слово о марксистахъ или народникахъ, и весь мой трудъ, всѣ мои усилія пошли бы прахомъ:

— Этому показывать не слѣдуетъ!

О, россійская нетерпимость!

Докторъ, которому я имѣлъ счастье понравиться, какъ понравился смотрителю, ввелъ меня въ Корсаковскій лазаретъ и познакомилъ меня съ дѣломъ.

Благодаря тому, что я какъ слѣдуетъ отозвался о марксистахъ и народникахъ, я увидалъ этотъ одинъ изъ круговъ Дантовскаго ада.

Увидалъ, какъ борется докторъ въ одиночку за здоровье каторжанъ, и какъ мало думаютъ объ этомъ всѣ остальные. Въ какія ужасныя условія поставлены на каторгѣ и докторъ и больные.

Передо мной открылась одна изъ интереснѣйшихъ картинъ каторги.

А если бъ я отозвался «не такъ» о марксистахъ или о народникахъ! Я бы не увидѣлъ, правовѣрный докторъ мнѣ бы не показалъ этой картины!

Какъ не видѣлъ бы я «раскомандировки», если бы не пилъ со смотрителемъ водки лафитными стаканчиками.

Какъ отъ многаго зависитъ истина!

Когда я увидѣлъ послѣднее, что мнѣ оставалось видѣть въ Корсаковскѣ,—лазаретъ,—докторъ сказалъ мнѣ:

— А вы знаете, насчетъ содѣйствія вамъ я сильно сомнѣвался. Откровенно скажу! Теперь, когда мы съ вами поговорили, и изъ вашихъ замѣчаній я вижу, съ кѣмъ имѣю дѣло. А раньше... Пріѣхавъ сюда, вы, вмѣсто того, чтобы примкнуть къ нашему небольшому кружку дѣйствительно интеллигентныхъ служащихъ, — примкнули къ «нимъ». Ну, скажите, какое удовольствіе можете находить вы, просвѣщенный человѣкъ, въ обществѣ какого-то дикаго смотрителя?

— А вы твердо увѣрены, докторъ, что я пріѣхалъ на Сахалинъ для удовольствія?

— Позвольте, вы все время проводите съ «ними» и не удостоили «насъ» даже своимъ вниманіемъ!

Въ тонѣ доктора звучала обида.

— Дорогой докторъ! Да вѣдь я же пріѣхалъ «ихъ» описывать, а не васъ! Мнѣ

нужны «правила», а не свѣтлыя исключенія, какъ вы. Чтобы просто поговорить съ хорошими людьми, не стоитъ ѣхать на Сахалинъ. Это, славу Богу, можно сдѣлать и въ Россіи.

Докторъ смотрѣлъ на меня съ удивленіемъ,—почти съ изумленіемъ.

— Теперь, когда насъ не видитъ никто, позвольте отъ всей души пожать вашу честную, благородную руку. Когда будетъ кончена моя работа, я смогу опять доставить себѣ это удовольствіе. А пока, я не долженъ возбуждать ихъ подозрѣній насчетъ моей «гуманности». Я долженъ «ихъ» видѣть во всемъ ихъ великолѣпіи.

Добрый докторъ даже растерялся.

— Такъ?!—обрадованно воскликнулъ онъ.

И мы обмѣнялись крѣпкимъ, дружескимъ рукопожатіемъ.

— А то, понимаете,—съ чувствомъ говорилъ онъ мнѣ, когда мы шли изъ лазарета,—живешь здѣсь въ самой невозможной средѣ! Кругомъ Богъ знаетъ что, а не люди. Пріѣзжаетъ журналистъ, радуешься, думаешь,

найдешь нравственную поддержку, отведешь душу. И вдругъ онъ идетъ къ смотрителю!

Теперь я видѣлъ въ Корсаковскѣ все, что слѣдовало и нужно было видѣть,—какъ разъ въ это самое время явился ко мнѣ посланный каторжанинъ:

— Начальникъ почто-телеграфной конторы прислали вамъ сказать: линія съ Александровскомъ направлена.

Теперь я могъ посылать прошеніе о дозволеніи осмотрѣть каторгу!

Я сейчасъ же телеграфировалъ г. военному губернатору просьбу о разрѣшеніи пребыванія на островѣ и осмотра тюремъ, извиняясь, что не могъ просить раньше, вслѣдствіе порчи телеграфной линіи.

Часа черезъ три я получилъ отвѣтъ:

«Разрѣшить не могу. Разрѣшеніе зависитъ отъ его высокопревосходительства господина пріамурскаго генералъ-губернатора. Генералъ Мерказинъ».

На Сахалинѣ тайнъ нѣтъ,—да, можетъ-быть, губернаторъ соотвѣтствующе телеграфировалъ и служащимъ,—но только, когда

я явился къ смотрителю, онъ встрѣтилъ меня растерянно:

— Водочки попьемъ, а ужъ въ тюрьму,— извините... Да вамъ что же и смотрѣть?.. Вы все видѣли...

— Нѣтъ-съ, покорнѣйше благодарю, и водочки я не хочу.

— Лафитный стаканчикъ?

— Не пью лафитными стаканчиками.

Начальникъ округа, встрѣтивъ меня на улицѣ, соскочилъ съ экипажа и подбѣжалъ ко мнѣ, растерянный и взволнованный:

— Отвѣтъ отъ губернатора получили?

— Представьте, отказалъ! — отвѣчалъ я, какъ будто сообщаю ему новость.

Начальникъ округа схватился за голову:

— Какъ же теперь?

— Да очень просто. «Ярославль» завтра уходитъ, а «Хабаровскъ» на-дняхъ приходитъ. Я останусь въ Корсаковскѣ до пріѣзда генералъ-губернатора.

Начальникъ округа пришелъ прямо въ ужасъ.

— Нѣтъ! Нѣтъ! Я не могу! Я не могу! Я и такъ...

— Да послушайте! Какъ же я могу увидать генералъ-губернатора, если уѣду въ Александровскъ?

— Нѣтъ! Нѣтъ! Я ничего не знаю! Я ничего не знаю! Сказано: «не разрѣшено пребываніе». Какъ вамъ угодно! Мнѣ никакого дѣла нѣтъ!

— Да вы сообразите!

— Не могу! Прошу васъ не оставаться! Я разрѣшить не могу!

И онъ сѣлъ въ экипажъ, повторяя:

— Господи, какая исторія! Господи, какая исторія!

Часа черезъ два ко мнѣ явился Бестужевъ:

— А я къ тебѣ на рекогносцировку. Чиновники просили съѣздить! Ты писать-то о томъ, что видѣлъ, будешь?

— Конечно, буду. За тѣмъ и ѣхалъ!

В. Н. покатился отъ хохота:

— Нѣтъ, ты бы посмотрѣлъ, что съ ними дѣлается! Какъ получилось извѣстіе, что гу-

бернаторъ не разрѣшилъ! Всѣ другъ на друга: «Вы виноваты!» «Вы!» «Вы зачѣмъ не посовѣтовали не допускать!» «Вамъ какъ въ голову не пришло: старый служащій!»

Разыгрывался финалъ «Ревизора».

Въ каторгѣ, повторяю, тайнъ нѣтъ.

Писцами въ канцеляріяхъ работаютъ каторжане. Черезъ нихъ каторга всегда знаетъ обо всѣхъ канцелярскихъ тайнахъ.

Въ канцеляріяхъ, между служащими, конечно, только и разговора было:

— Какъ такъ опростоволосились! Допустили смотрѣть,—кого допускать не слѣдовало!

И къ вечеру передъ моей квартирой стояла цѣлая толпа поселенцевъ съ жалобами.

Теперь уже шелъ весь Корсаковскъ.

Толпа стояла, несмотря на надзирателя, котораго прислали разгонять и не допускать.

Напрасно я уговаривалъ поселенцевъ:

— Разойдитесь. Видите —надзиратель. Запрещено. Вамъ достанется.

Они отвѣчали одно:

— Намъ терять нечего!

Бродяга Сокольскій, забѣжавъ ко мнѣ, сказалъ:

— Теперь я за васъ спокоенъ. Озлобленія, что вы не даете «послѣдствій» жалобамъ, не существуетъ. Весь Корсаковскъ, каторга, поселье, только и говорятъ, что «служащіе упросили губернатора васъ больше не допускать». Легенды о томъ, что васъ подкупили служащіе, больше нѣтъ. Всѣ рѣшили: «на этого можно положиться, его, значитъ, не купишь!» И теперь ждите жалобъ!

Вся эта исторія дала мнѣ одну увѣренность. Правду смѣло можно добывать отъ каторги. Каторга смѣло ее скажетъ.

Никакія запугиванія на каторгу подѣйствовать не могутъ. Люди больше уже ничего не боятся,—потому что имъ больше ужъ нечего терять.

«Только бы, только выйти въ Александровскѣ на берегъ,—думалъ я, отправляясь утромъ на пароходъ, — пусть запрещаютъ осмотръ, а я все-таки многое узнаю!»

На пароходѣ я распрощался съ растерянными корсаковскими служащими.

— Ну, и сыграли же вы съ нами штуку! — не могъ не попенять мнѣ начальникъ округа.

Смотритель тюрьмы только повторялъ:

— О Господи! О Господи!

Офицеры парохода потомъ говорили мнѣ, какъ онъ охалъ и охалъ передъ ними:

— Вѣдь я все, понимаете, все ему показалъ! Какъ возьметъ, да брякнетъ про все это! А онъ вонъ какой оказывается: губернаторъ ему не разрѣшаетъ!

«Ярославль» отошелъ. Корсаковскъ скрывался изъ глазъ. Я ходилъ по палубѣ радостный, почти счастливый, недоумѣвающій, за что меня такъ балуетъ судьба, такъ благопріятно складываются обстоятельства.

— Вѣдь надо же, чтобъ телеграфную линію исправили только наканунѣ отъѣзда!..

Если бы теперь и губернаторъ и генералъ-губернаторъ запретили мнѣ дальнѣйшій осмотръ каторги, — я съѣздилъ не даромъ. Я узналъ много новаго, интереснаго, важнаго.

У меня есть многое, что можно написать, что должно написать.

А все же то, что я видѣлъ, было еще «не настоящей каторгой».

Настоящая каторга, «головка» каторги тамъ—въ Александровскѣ.

Тамъ и самые тяжкіе преступники и рудники. Въ глубинѣ Сахалина надо разузнать исторію страшныхъ онорскихъ работъ, о которыхъ и служащіе говорятъ не иначе, какъ съ ужасомъ.

О которыхъ сохранились дѣйствительно страшные разсказы. О которыхъ каторга сложила даже пѣсни. Пѣсни, заставляющія дрожь пробѣгать по тѣлу.

Тамъ, на сѣверѣ и въ центрѣ Сахалина, можно все это узнать, провѣрить отъ очевидцевъ, участниковъ, по документамъ.

Не видавъ всего этого, я не могу сказать русскому обществу и правосудію:

— Вотъ что такое, въ дѣйствительности, каторга, о которой вы имѣете ошибочное, невѣрное представленіе. Вотъ куда вы, въ

дѣйствительности, ссылаете. Вотъ къ чему вы, въ дѣйствительности, приговариваете.

Но удастся ли ознакомиться со всѣмъ этимъ богатѣйшимъ матеріаломъ?

Пустятъ ли?

Эта мысль щемила мнѣ сердце.

Два раза уже отказали...

Послѣднюю ночь плаванія вдоль западнаго берега Сахалина на пароходѣ долго никто не могъ заснуть.

Спать было невозможно.

Арестанты «чисто взбѣсились».

Пароходъ дрожалъ отъ топота пляшущихъ каторжанъ. Изъ вентиляторовъ дикимъ воемъ неслись изъ трюмовъ плясовыя, самыя раздалыя пѣсни.

Молодыхъ, старыхъ,—отчаянное «веселье» охватило всѣхъ безъ исключенія.

Приговоренные въ каторгу «на вѣкъ» и на короткіе сроки плясали и пѣли всѣ.

Въ эту послѣднюю ночь, которую они проводили не на Сахалинѣ.

Эта была, поистинѣ, страшная ночь.

Такъ, съ красными отъ слезъ глазами, гуляютъ, пляшутъ и поютъ новобранцы.

Подъ утро я проснулся въ каютѣ отъ адскаго воя «сирены». Очевидно, мы подходили къ Александровску.

И когда я проснулся утромъ, на палубѣ шла бѣготня, топотъ.

Пароходъ стоялъ вдали отъ пристани, въ морѣ.

Бѣлѣли мѣстами снѣгомъ горы. Темнѣли пади, покрытыя низкимъ хвойнымъ лѣсомъ.

Арестантовъ свозили на берегъ. Сажали на баржу, которая бултыхалась на волнахъ, и тащили на буксирѣ къ пристани.

Баржа казалась наполненной какой-то сплошной сѣрой массой. Словно нечистоты свозили на свалки...

Все было растеряно.

Когда пришла обратно порожняя баржа, старшій помощникъ крикнулъ:

— Садись!

И растерянные арестанты сѣли... на палубѣ на полъ.

Всѣ тюремныя власти расхохотались.

Капитанъ былъ на берегу. По обычаю, онъ поѣхалъ представляться губернатору.

Черезъ часъ онъ вернулся и прямо подошелъ ко мнѣ.

— Пойдемъ ко мнѣ въ каюту. Есть для васъ новости! Ну, батенька, — сказалъ мнѣ капитанъ въ каютѣ,—дѣла ваши плохи. Придется съ нами въ Китай итти. Былъ сейчасъ у губернатора.

— Былъ разговоръ обо мнѣ?

По второму слову. «У васъ,—говоритъ,— этотъ какъ его, корреспондентъ. Съ вами пріѣхалъ?»—«Такъ точно, — говорю, — ваше превосходительство». Ужасно какъ онъ недоволенъ. «Безъ разрѣшенія, — говоритъ,— ѣздитъ. Онъ съ вашимъ же пароходомъ пусть и уходитъ». Кажется, вамъ даже съѣхать на берегъ не дадутъ.

Я надѣлъ фракъ и поѣхалъ на берегъ къ губернатору.

Въ огромномъ кабинетѣ, съ деревянными стѣнами безъ обоевъ,—за большимъ письменнымъ столомъ, стоялъ сѣдой какъ лунь, съ длинной бородой, генералъ.

Онъ едва отвѣтилъ на мой поклонъ, не протянулъ руки, не попросилъ даже сѣсть. Мы разговаривали стоя.

— Что вамъ угодно?

— Я посылалъ вашему превосходительству телеграмму...

— Вамъ надо было просить разрѣшеніе въ Петербургѣ.

У меня екнуло сердце: неужели знаетъ?

— Петербургъ, ваше превосходительство, тутъ рѣшительно ни при чемъ. Разрѣшеніе на осмотръ тюремъ зависитъ отъ мѣстныхъ властей, и я обращаюсь къ вашему просвѣщенному содѣйствію...

— Я своей властью разрѣшить не могу. Вамъ надо было обратиться къ его высокопревосходительству г. пріамурскому генералъ-губернатору.

Я объяснилъ, почему до сихъ поръ не могъ это сдѣлать.

— Не надо было и ѣхать-съ.

— Я немедленно телеграфирую генералъ-губернатору въ Корсаковскъ. На-дняхъ онъ будетъ тамъ, получитъ мою телеграмму

и отвѣтитъ. А пока, ваше превосходительство, не позволите ли вы мнѣ ознакомиться хоть съ учрежденіями, ничего общаго съ тюрьмой не имѣющими: школами, пріютомъ для дѣтей каторжанъ...

— Нѣтъ, это неудобно. До полученія разрѣшенія я ничего вамъ не разрѣшу.

Оставалось только раскланяться.

Такъ же сухо, еле кивнувъ, не подавая руки, губернаторъ отвѣтилъ на мой поклонъ,— и когда я былъ уже около двери, раздался его голосъ:

— Да, кстати. До полученія отвѣта я попрошу васъ не переѣзжать на берегъ. Вы ѣздите спать на пароходъ.

— А если пароходъ уйдетъ до полученія отвѣта отъ генералъ-губернатора?

— Вы уѣдете на пароходѣ. Вотъ и все.

Это было ужъ даже жестоко.

Пароходъ стоитъ миляхъ въ двухъ отъ берега.

Безпрестанные туманы. Въ Татарскомъ проливѣ вѣчно свищетъ вѣтеръ. Постоянное волненіе.

Извольте, при такихъ условіяхъ, утромъ и вечеромъ кувыркаться на катерѣ.

Дно Татарскаго пролива—плита, якорей не держитъ. Штормы налетаютъ внезапно и мгновенно. При штормовомъ вѣтрѣ пароходъ уходитъ отъ скалистыхъ береговъ, чтобъ не разбиться, въ открытое море.

Вдругъ—вечеромъ штормъ.

Что тогда?

Проводить ночь на пристани?

Я дрогъ часто до полночи на пристани, ожидая, когда волненіе немного стихнетъ, и отъ брызгъ промокшій до костей возвращался на пароходъ.

Все, пальто, сапоги, платье, бывало мокро у меня насквозь. И это въ холодъ, въ пронизывающій вѣтеръ. Я возвращался на пароходъ весь синій, въ лихорадкѣ, у меня зубъ на зубъ не попадалъ.

Даже каютъ-компанія роптала:

— Да плюньте вы, батюшка, на этотъ Сахалинъ. Развѣ можно такія вещи дѣлать? на смерть простудитесь!

— Винъ выспаленые легкихъ хочетъ!—замѣчалъ докторъ и приставалъ:

— Давай поставлю термометръ!

Я пилъ коньякъ, ѣлъ хину и на слѣдующее утро опять ѣхалъ на берегъ.

Постъ Александровскъ отъ пристани верстахъ въ двухъ. Никакихъ извозчиковъ на Сахалинѣ, конечно, нѣтъ. Всѣ ѣздятъ на казенныхъ лошадяхъ.

Казенныхъ лошадей мнѣ, разумѣется, не давали. А попросить у кого-нибудь изъ чиновниковъ, чтобъ подвезъ, значило бы только и себя и его поставить въ неловкое положеніе.

Какъ онъ можетъ согласиться? Чтобъ его увидали вмѣстѣ съ корреспондентомъ?!

Надо было и утромъ, и вечеромъ, когда зги не было видно, ходить пѣшкомъ.

Всякій понимаетъ, что никакихъ ресторановъ на Сахалинѣ не полагается.

Есть клубъ для чиновниковъ. Но туда меня теперь не пустятъ.

Что же ѣсть?

Итти двѣ версты къ пристани, ждать часа два катера, болтаться двѣ мили до парохода,

чтобъ пообѣдать. Потомъ назадъ. На это одно уйдетъ цѣлый день!

На все это меня обрекало запрещеніе переѣхать на берегъ.

Начиналась весна, сезонъ арестантскихъ «бѣговъ». Умирающаго съ голода народа кругомъ рыщетъ масса. Грабежи и убійства по дорогѣ отъ поста къ пристани случаются часто.

И я долженъ быть искренно признателенъ каторгѣ, что никому не пришло въ голову напасть на меня, когда я, спотыкаясь о замерзшую грязь и падая, съ револьверомъ, плелся глухою дорогой, проложенной въ лѣсу, темнымъ вечеромъ.

Кончиться все могло тѣмъ, что или я бы ухлопалъ напавшаго на меня бѣглаго, или меня бы ухлопалъ напавшій бѣглый.

Стоило для этого ѣздить на Сахалинъ!

Но какъ я благодаренъ за это запрещеніе переѣхать на берегъ!

Эти пѣшія путешествія, съ отдыхами, съ бесѣдами со встрѣчными людьми, дали мнѣ возможность познакомиться со многимъ, чего бы иначе я не узналъ.

Дали мнѣ возможность познакомиться съ людьми, кончившими свое наказаніе, отбывшими каторгу и поселенчество и крестьянство, имѣющими право вернуться въ Россію. Съ людьми, дождавшимися «радостнаго дня» и послѣ того годами милостыней живущими около пристани, потому что имъ не на что вернуться въ Россію.

Какое отчаяніе я видѣлъ.

Какой ужасъ видѣлъ у людей, которые приплелись къ пристани, чтобъ ѣхать на материкъ, изъ глубины Сахалина:

— Вышли на поселье. Занялись домообзаводствомъ. Землю мотыкой раздѣлали. Теперь все бросаемъ—и домъ и землю. Тутъ голодъ, страшно—за гривенникъ зарѣжутъ!

Только благодаря странствованіямъ по харчевнямъ, я видѣлъ воочію, до какихъ ужасовъ съ голода доходятъ жены, добровольно послѣдовавшія за своими мужьями

Я видѣлъ, какъ торгуютъ собою семидесятилѣтнія старухи. Благодаря пѣшимъ странствованіямъ, я наткнулся на вертепъ Сашки Медвѣдевой,—одну изъ самыхъ по-

слѣднихъ ступеней человѣческаго паденія. Я познакомился съ палачами, которые нанимались нянчить дѣтей, и съ матерями, которыя предлагали своихъ восьмилѣтнихъ дочерей.

Гг. служащіе бѣгали отъ меня какъ отъ чумы.

Мнѣ не отвѣчали даже на самые простые вопросы.

— Скажите, сколько у васъ арестантовъ въ кандальной тюрьмѣ?

Это-то ужъ не секретъ. Это даже въ Сахалинскомъ календарѣ печатается.

— Право, не знаю... Виноватъ... У меня есть дѣло...

И бѣжитъ въ другую сторону.

И кругомъ, кругомъ такое злорадство, такое торжество:

— Налетѣлъ? Корреспондентъ!

Въ это время только одинъ человѣкъ подалъ мнѣ руку.

Докторъ Николай Степановичъ Лобасъ.

Онъ прямо подошелъ:

— Милости прошу ко мнѣ.

— Докторъ,—даже испугался я,—а ваши отношенія съ администраціей изъ-за этого...

Онъ разсмѣялся своимъ веселымъ, бодрымъ и яснымъ смѣхомъ:

— Ну, ужъ, батюшка, ихъ-то ничѣмъ не ухудшишь!

Лобасъ у всѣхъ былъ «бѣльмомъ на глазу». А каторга его боготворила.

Многимъ русская каторга обязана докторамъ. Смѣло можно сказать,—всѣмъ, что въ ней только было когда-нибудь еле еле, чуть-чуть свѣтлаго.

— Но такого другого Лобаса каторга не видывала!—говорили каторжане, пробывшіе въ каторгѣ лѣтъ даже по сорока.

«Лобасъ» стало даже именемъ нарицательнымъ.

— Извѣстно, докторъ такой-то хорошъ,— говорили каторжане,—лобасистъ, это вѣрно! Шибко лобасистый докторъ. А только до Лобаса все жъ ему далеко.

И это было достигнуто не «потаканьемъ» каторгѣ. Совсѣмъ нѣтъ. Притворяющемуся каторжанину, изъ лѣни, не желающему ра-

ботать, докторъ Лобасъ при мнѣ говорилъ прямо:

— Ты здоровъ, и отъ работъ тебя освободить не могу!

Несмотря даже на то, что тотъ былъ «страшнымъ человѣкомъ».

Но больного, но права больного,—каторга знала,—Лобасъ сумѣетъ отстоять, во что бы то ни стало отстоитъ.

Когда прошелъ слухъ, что Лобасъ уходитъ,—каторга сложилась по копейкѣ, чтобъ поставить памятникъ на могилѣ его ребенка, умершаго на Сахалинѣ.

Александровская кандальная, «головка» каторги, не снимала шапки при встрѣчѣ съ губернаторомъ.

Но когда шелъ навстрѣчу съ нянькой сынъ Лобаса, Павликъ, четырехлѣтній коропузъ,—вся партія кандальныхъ, какъ одинъ человѣкъ, снимала шапки:

— Павлику почтеніе!

Къ Лобасу, въ его милую семью, я ходилъ обѣдать, пить чай, отогрѣваться, когда

холодъ или голодъ заставляли меня злоупотреблять гостепріимствомъ.

Лобасъ былъ единственнымъ человѣкомъ, который хотѣлъ и не боялся перекинуться со мной словомъ.

Въ рѣдкія у него свободныя минуты мы вмѣстѣ гуляли.

И это оказалось потомъ главнымъ козыремъ моей игры!

Удивительно, какъ мнѣ благопріятствовали обстоятельства.

Не сложись обстоятельства такъ, я и половины не узналъ бы того, что узналъ, не могъ бы такъ «войти» въ каторгу.

Люди натосковались въ теченіе зимы. И вдругъ этакое происшествіе. Корреспондентъ. Губернаторъ отказалъ. Что теперь отвѣтитъ самое высшее начальство для края: самъ генералъ-губернаторъ!

Конечно, въ канцеляріяхъ другихъ разговоровъ не было.

Отъ своего брата-каторжанина вся каторга знала:

— Пріѣхалъ баринъ. «Судится» съ начальствомъ!

Это сразу привлекло на мою сторону симпатіи каторги.

— Кто кого?

Это былъ самый животрепещущій вопросъ въ тюрьмѣ.

Я вездѣ показывался съ Лобасомъ. Только съ однимъ Лобасомъ.

Это,—какъ потомъ говорили мнѣ каторжане,—дало имъ понять:

— Что есть за человѣкъ?

При встрѣчѣ со мной даже кандальная снимала шапки.

Я чувствовалъ, и видѣлъ, что почва приготовлена, приготовлена отлично.

А все-таки я ходилъ мимо палей тюрьмы, какъ мимо заколдованнаго замка.

Вдругъ, придется уѣхать, увидавши все это снаружи и не заглянувши внутрь!

Телеграмму генералъ-губернатору въ Корсаковскъ я отправилъ въ первый день пріѣзда.

Я писалъ ее, перечитывалъ, переписывалъ.

— Чортъ возьми, есть же вѣдь у меня способность писать! Выручай же, способность, если ты есть! Ты мнѣ никогда не была такъ нужна! Какъ убѣдить генералъ-губернатора, что моя поѣздка не страшна, не опасна, нужна, можетъ-быть, полезна?

Словъ пятьсотъ полетѣло въ Корсаковскъ.

А время шло, и отвѣта не было.

Бѣдные телеграфисты! Какъ, должно-быть, я имъ надоѣлъ, разъ по десяти въ день заходя на телеграфъ:

— Не знаете, прибылъ генералъ-губернаторъ въ Корсаковскъ?

— Нѣтъ еще.

Чиновники, наконецъ, сами стали со мной заговаривать:

— Что? Послѣзавтра ѣдете?

Съ самой любезной усмѣшечкой.

Даже въ каютъ-компаніи перестали надо мной подтрунивать. Когда послѣдній помощникъ началъ было:

— Вотъ придемъ мы съ вами теперь въ Китай...

Старшій офицеръ посмотрѣлъ на него такъ, что юноша поперхнулся и замолкъ.

Капитанъ В. Н. Китаевъ, добрый и славный человѣкъ и мой большой пріятель, говорилъ съ отчаяніемъ:

— И охота вамъ было на этотъ чортовъ Сахалинъ ѣхать! Посмотрите на свое лицо! Вѣдь вы на себя не похожи!

Наконецъ, мнѣ объявили:

— Завтра на разсвѣтѣ снимаемся.

Даже мысли ни одной въ головѣ не было когда я шелъ по главной улицѣ поста Александровска.

Хотѣлось только рыдать,—и больше ничего. Завтра отсюда уѣду, такъ ничего и не видавъ.

Въ это время я услыхалъ свое имя.

Жена доктора Лобаса, открывъ форточку, кричала мнѣ:

— Телеграмму вамъ разсыльный приносилъ! Думали, что вы у насъ!

— Гдѣ жъ...

— На пристань пошелъ.

Я не шелъ—бѣжалъ на пристань.

— Разсыльный? только что на катерѣ на пароходъ поѣхалъ. Васъ искать!

Ждать,—прошло бы часа три-четыре.

Задыхаясь отъ бѣга, я бросился обратно въ постъ Александровскъ.

На телеграфъ.

— У васъ есть изъ Корсаковска телеграмма на мое имя?

— Была.

— Не можете ли вы мнѣ ее прочесть по лентѣ?

Телеграфистъ нашелъ и сталъ медленно, по складамъ, читать:

— Охотно... разрѣшаю... пребываніе на островѣ... осмотръ тюремныхъ и прочихъ учрежденій... Телеграфирую генералу Мерказину о полномъ содѣйствіи... Генералъ-лейтенантъ Духовской.

Никогда,—ни до этого, ни послѣ, ни въ моей журнальной дѣятельности, ни въ личной жизни,—я не чувствовалъ такого счастья, такой радости.

Такой необузданной радости.

Я вылетѣлъ съ телеграфа, не замѣтивъ лѣстницы, полетѣлъ.

У меня голова шла кругомъ. Я не чувствовалъ подъ собою ногъ.

— Не сонъ ли?

И немедленно пошелъ къ губернатору.

— Доложите!

Черезъ секунду передо мной отворили двери:

— Просятъ!

Губернаторъ шелъ мнѣ навстрѣчу, привѣтливый, улыбающійся:

— А я могу васъ порадовать. Получена телеграмма отъ его высокопревосходительства...

— Благодарю васъ... Я тоже получилъ телеграмму отъ генералъ-губернатора.

— Да? Что же вамъ пишетъ его высокопревосходительство.

Я сказалъ.

— Пожалуйста! Прошу васъ садиться! Ну, вотъ, я очень-очень радъ!

Губернаторъ, поздравляя, жалъ мнѣ руку, улыбался.

— Я ничего не имѣю противъ гласности. Но вы сами понимаете... Мое положеніе... Но разъ его высокопревосходительство разрѣшилъ, я готовъ. Смотрите насъ, смотрите...

Онъ позвонилъ.

— Правителя канцеляріи! Теперь надо позаботиться о квартирѣ для васъ!

— Нѣтъ, относительно квартиры очень вамъ благодаренъ. Я остановлюсь на частной. Вотъ лошадей я просилъ бы. Здѣсь частныхъ нѣтъ.

— Конечно, конечно... Но почему жъ вы не хотите казенной квартиры?

— Ваше превосходительство! На Сахалинѣ, да еще «на казенной квартирѣ!» Это ужъ будетъ слишкомъ!

Мы оба весело смѣялись.

Вошелъ правитель канцеляріи.

— Сдѣлали вы распоряженія?..

— Вездѣ ужъ посланы телеграммы, чтобъ, когда г. Дорошевичъ пріѣдетъ, ему оказывали полное содѣйствіе по его указаніямъ. Смотрителю тюрьмы сообщено, чтобъ были предоставлены г. Дорошевичу лошади.

— Вотъ видите! —съ довольнымъ лицомъ обратился ко мнѣ губернаторъ.—Все что отъ насъ зависитъ, мы все готовы сдѣлать.

— Благодарю васъ. Вы позволите мнѣ посѣщать тюрьмы одному, говорить съ каторжанами безъ присутствія конвойныхъ?

— Все, все, что вамъ будетъ угодно. Сказано: «полное содѣйствіе».

— Если нужны будутъ справки въ канцеляріяхъ, занятія въ архивѣ...

— Повторяю, все, что угодно. «Осмотръ тюремъ и прочихъ учрежденій». Все для васъ открыто. Воля его высокопревосходительства...

И, дружески провожая меня, губернаторъ говорилъ:

— Работайте! Желаю вамъ успѣха! По опыту самъ знаю, что многое тутъ необходимо освѣтить. Я ничего не имѣю противъ гласности. Но вы сами понимаете: мое положеніе... А теперь, разъ его высокопревосходительство разрѣшилъ,—дѣло не мое!

Не успѣлъ я отойти шаговъ пяти отъ канцеляріи, какъ быстро ѣхавшій мнѣ навстрѣчу кучеръ-каторжанинъ осадилъ дрожки:

— Ваше высокоблагородіе, лошади подъ васъ!

Встрѣчные служащіе махали мнѣ руками, останавливали, соскакивали съ экипажа, пожимали руку, поздравляли:

— Ну, слава Богу! Разрѣшили! Этого и нужно было ждать! Ну, что это, на самомъ дѣлѣ, не пускать? Какіе, на самомъ дѣлѣ, секреты! Вы знаете, нашъ губернаторъ отличный человѣкъ, но онъ немножко службистъ! Вносите, вносите, свѣтъ въ нашу жизнь! Вы гдѣ остановитесь?

И одно огорчало ихъ, что я остановлюсь не у кого-нибудь изъ чиновниковъ, а на частной квартирѣ:

— У меня есть комната!

— У меня!

— У меня вамъ будетъ удобно!

Оставалось только распроститься съ пароходомъ, на которомъ я столько перемучился, перевезти свои вещи на квартиру къ совершенно частному человѣку, представителю фирмы Кунста и Альберса.

Утромъ всѣ чиновники явились ко мнѣ съ визитами.

Мнѣ надо было только узнать, когда кого изъ нихъ не бываетъ дома. Въ этотъ часъ заѣхать и оставить карточки,—холостымъ по одной, женатымъ по двѣ.

И я принялся, наконецъ, за работу.

Такъ трудно иногда бываетъ попасть даже на Сахалинъ!

Содѣйствіе мнѣ, дѣйствительно, оказывалось «полное».

Для соблюденія приличія, въ первый разъ я шелъ въ тюрьму обыкновенно со смотрителемъ.

Онъ мнѣ ее показывалъ, а затѣмъ я говорилъ:

— Чтобы не отнимать у васъ времени, вы мнѣ позволите посѣщать тюрьму одному? Всегда, когда мнѣ будетъ надо.

Онъ кланялся:

— Генералъ-губернаторомъ приказано полное содѣйствіе...

И отдавалъ приказъ надзирателямъ.

Для свиданій съ каторжанами наединѣ, въ мое распоряженіе была предоставлена въ свободные часы пустая канцелярія.

Если это былъ кандальный, его конвойные оставались на дворѣ,—и я могъ бесѣдовать съ нимъ въ одной изъ комнатъ канцеляріи сколько душѣ угодно съ глаза на глазъ, безъ опасенія, что насъ подслушаютъ. Входныя двери были изнутри заперты, и ключи лежали у меня въ карманѣ.

По моему требованію мнѣ «выводили» арестантовъ изъ кандальной, карцеровъ, изъ подслѣдственныхъ камеръ. Всѣхъ, кого мнѣ будетъ угодно.

Если нужны были справки въ канцеляріяхъ,—онѣ наводились немедленно. Приказывалось:

— Бросьте другую работу!

Я долженъ быть признателенъ писарямъ-каторжанамъ. Народъ все же болѣе или менѣе интеллигентный, они старались особенно показать свою интеллигентность,—и справки «писателю» дѣлали какъ можно точнѣе и подробнѣе.

Многіе среди нихъ сочувствовали желанію «написать всю правду про каторгу» и потихоньку шептали мнѣ:

— А вы вотъ на какое дѣло обратите еще вниманіе. У насъ вотъ какіе документы есть. Вы только затребуйте,—а ужъ мы вамъ предоставимъ.

Все, что касалось старыхъ дѣлъ,—архива,— было также вполнѣ предоставлено мнѣ.

Гг. служащихъ больше всего мучилъ вопросъ:

— Поѣдетъ ли онъ потомъ къ генералъ-губернатору?

Вдругъ поѣдетъ да нажалуется: «содѣйствіе было не полное».

Я, разумѣется, ѣхать къ пріамурскому генералъ-губернатору и не собирался. Но такъ, полусловами поддерживалъ въ служащихъ выгодное для меня опасеніе.

— Пусть стараются!

И они старались!

Опасеній «перехватить», выдать какую-нибудь служебную тайну не существовало.

Все покрывало «распоряженіе г. генералъ-губернатора».

Какъ вездѣ въ канцеляріяхъ, никто не думалъ о дѣлѣ,—всѣ боялись только могущаго быть гнѣва начальства за недостаточную исполнительность.

Бояться того, что гг. служащіе запугаютъ каторгу, и та послушно притаится,—было нечего.

Тутъ накопилось столько горя, отчаянія, злобы, что людямъ было не до разсужденій:

— Что намъ за это будетъ?

Во всемъ отчаявшіеся люди, которымъ нечего больше терять, рѣзали правду при смотрителяхъ, въ лицо.

И какъ рѣзали!

Сквозь землю хотѣлось иногда провалиться отъ неловкости за смотрителя.

Пробовали кое-что отъ меня спрятать.

Напримѣръ, въ Дербенскомъ карцерныхъ перевели куда-то на край поселенья и заперли въ пустую избу.

— У насъ карцеровъ и въ поминѣ нѣтъ. Смирно.

Но каторга сама мнѣ шепнула:

— Вотъ куда сходите. Вотъ гдѣ спрятаны люди.

Каторга меня приняла исключительно хорошо: съ довѣріемъ и симпатіей.

Я слышалъ отзывы о себѣ:

— Молодчага! Его пускать не хотѣли, а онъ добился! Противъ всѣхъ пошелъ!

Это казалось имъ «смѣлостью», «лихостью»,—качества, которыя они въ человѣкѣ цѣнятъ.

Разъ даже какой-то каторжникъ замѣтилъ:

— Ты самъ, баринъ, мы видимъ, изъ «Ивановъ!»

Это, по тюремному, ужъ большая похвала.

Теперь мнѣ нечего было таиться, я открыто «дружилъ» только съ друзьями каторги,— исключительно съ ними.

И каторга опредѣлила еще до нашего личнаго знакомства:

— Этотъ человѣкъ лобасистый!

Разумѣется, каторга все же сдалась не сразу. Каторга «пробовала» человѣка. Были попытки пугать.

Какой-нибудь «Иванъ» бахвалился:

— Стрекача задастъ!

Но я зналъ, что это «пробы». И выдерживалъ ихъ спокойно и, по большей части, чтобъ не обидѣть и не нажить себѣ врага, обращалъ все въ шутку.

Каторгѣ нравилось, что я на нихъ не смотрю, «какъ на звѣрей».

— Ужъ больно вольно съ нами ходитъ!

«Иваны», вообще не любящіе, чтобы говорили о чьей-нибудь смѣлости, кромѣ ихней, говорили:

— Ходитъ-ходитъ, а у самого, чай, подъ низомъ желѣзная рубашка!

Пріемъ, къ которому иногда прибѣгаютъ нѣкоторые смотрители.

Часто, сидя въ тюрьмѣ, окруженный каторжанами, я слышалъ, какъ осторожно «Ѳомы невѣрные» ощупывали мою спину.

Давши «нащупаться», я обыкновенно оборачивался:

— Что? Нѣту?

И мы смѣялись.

— Что вы? звѣри, что ли? Такіе же люди, какъ и всѣ!

Это отношеніе къ нимъ имъ нравилось.

Ко всякому горю надо отнестись внимательно. Всякую жалобу, обиду надо выслушать до конца и «принять къ сердцу», какъ бы даже пустячна она ни была.

На вашъ взглядъ—пустякъ. А у человѣка, у котораго отъ жизни остались однѣ крохи, каждая кроха на счету, и дорога, и страшно важна.

Хотите заслужить его расположеніе, смотрите на вещи его глазами и оцѣнивайте все съ его точки зрѣнія.

Но никакой сентиментальности:

Люди, огрубѣвшіе, ожесточившіеся среди страданій, «сентиментовъ» не любятъ. «Сентименты» имъ мерзки, противны.

Отнеситесь къ нимъ сентиментально.

— Ахъ, бѣдненькіе!

И все погибло: вы напомните имъ «благотворителей», которые съ книжечками, съ подачечками, съ увѣщаньицами ходили къ нимъ въ тюрьмы въ Европейской Россіи.

— Ходили, канючили, а облегченія никакого не вышло!

Каторга ихъ глубочайше презираетъ.

Если каторга видитъ, что вы, дѣйствительно, относитесь къ ней съ глубокимъ чувствомъ,— она вамъ повѣритъ. А сентиментальности-то они видали, въ сентиментальности на ихъ спинахъ кто не упражнялся!

— Хе-хе! *Свою* душу спасаютъ? А намъ до ихъ души какое дѣло?—говоритъ каторга про тюремныхъ филантроповъ.—Намъ о себѣ впору думать. Иди, спасай свою душу куда хочешь. А не туда, гдѣ чужія гибнутъ!

Но если вы хотите добиться полнаго расположенія и довѣрія каторжанина, заговорите съ нимъ... объ его здоровьѣ.

Помните Достоевскаго. Когда князь Мышкинъ въ «Идіотѣ» разсказываетъ о смертной казни:

— Я видѣлъ лицо человѣка, когда его подводили къ гильотинѣ. И выраженіе этого лица было такое, что если бы человѣку предложили цѣлую вѣчность простоять на квадратномъ футѣ земли надъ бездной, онъ согласился бы даже на такую жизнь. Только бы жизнь!

Какъ ни велики мученія каторги, но самоубійства въ тюрьмѣ рѣдкость. Никто такъ не цѣпляется за жалкіе остатки жизни, какъ эти несчастные.

И мысль о здоровьѣ,—это самая главная мысль, это—«завязчивая идея» каторжанина.

До смѣшного.

Человѣкъ зарѣзалъ двѣ-три семьи, бѣгалъ, принялъ сотни плетей, неисчислимое количество розогъ. А жалуется онъ:

— Ваше высокоблагородіе, обратите вниманіе, какъ съ нами обращаются. Когда меня еще отправляли,—въ рязанскомъ тюремномъ замкѣ три дня безъ пищи просидѣлъ. Потомъ животомъ мучился, и докторъ даже снадобья не далъ!

Это было... двѣнадцать, пятнадцать лѣтъ тому назадъ.

Всѣ случаи, когда онъ заболѣвалъ, всякій каторжанинъ помнитъ наизусть. Случается, забылъ:

— Не то шестерыхъ въ тотъ разъ убилъ, не то пятерыхъ. Въ горячности былъ, да и времени довольно.

Но что онъ въ «пятомъ»,—въ девяносто пятомъ, году «грудями болѣлъ», въ «седьмомъ»—«животомъ маялся и всякаго расположенія къ ѣдѣ лишился»,—онъ помнитъ и не забудетъ никогда, ни за что.

— То до другихъ касающее, а это до меня. Всякій о себѣ. Своя только болячка больна.

И если вы хотите «разспросить» каторжанина,—первымъ вопросомъ ему задайте:

— Что это у тебя,—или у васъ, если онъ чуть-чуть считаетъ себя повыше другихъ,—лицо какъ-то? Здоровъ ли?

Онъ начнетъ жаловаться. Въ тюрьмѣ, дѣйствительно, всѣ больны. Вы внимательно разспросите, какъ онъ чувствовалъ себя раньше, не болѣлъ ли тѣмъ, тѣмъ, какого вообще здоровья съ дѣтства.

Это второй козырной тузъ въ вашей игрѣ.

Они всѣ любятъ возвращаться памятью къ тому времени, когда были еще обыкновенными, «свободными людьми», какъ и всѣ. Особенно къ дѣтству.

Онъ будетъ вамъ клясть и проклинать своихъ родителей или воспитателей, или съ

чувствомъ вспоминаетъ объ отцѣ, матери, родныхъ. Выслушивайте только внимательно все, даже неинтересныя для васъ, но важныя для него подробности. И тогда вопросъ:

— Какъ же ты до преступленья дошелъ?

Прозвучитъ не празднымъ любопытствомъ, а человѣчнымъ участіемъ. Вы можете разсчитывать на интересную бесѣду.

Какую роль играли въ моихъ работахъ деньги?

Очень большую. Денегъ у меня было много. А на сахалинскій счетъ—страшно много.

Но я сразу взялъ за правило не расшвыривать ихъ, чтобъ не потерять уваженіе каторги.

Нѣсколько подходящихъ случаевъ дали мнѣ возможность сдѣлать нѣсколько хорошихъ ходовъ.

У одного поселенца, только что кончившаго каторгу, бродяги зарѣзали корову.

Поселенецъ былъ человѣкъ хорошій. Его любила и жалѣла вся тюрьма.

Теперь ему былъ конецъ.

Онъ только что устроился, взялъ изъ казны на выплату корову, сталъ поставлять служащимъ и въ тюрьму «майданщикамъ» молоко.

Какъ вдругъ такое несчастье. Оно раздавило его совершенно.

Заработка лишился. Коровы нѣтъ. А платить за нее надо.

Казна говоритъ:

— Намъ какое дѣло? Взялъ,—берегъ бы.

Поселенецъ повѣсился. Къ счастью, домашніе во-время увидѣли и сняли несчастнаго съ петли.

Вся тюрьма тужила о бѣднягѣ.

Я купилъ ему корову.

Это обрадовало всю тюрьму.

Другой случай. Каторжанина «задрали». Каждый день дерутъ: лѣнится, не исполняетъ работъ.

Въ концѣ концовъ, смотритель требуетъ его въ канцелярію.

— Должно, въ другую тюрьму ушлютъ!

И каторжанинъ въ полномъ ужасѣ: итти къ смотрителю ему не въ чемъ. Ни халата ни бушлата—куртки.

За пропажу вещей ужъ, дѣйствительно, «шкуру спустятъ».

Каторжанинъ ходитъ полубезумный.

Тюрьма рѣшила:

— Къ вечеру поглядѣть. Гдѣ-нибудь висѣть будетъ.

— Только и осталось.

Человѣку, кромѣ самоубійства, еще одинъ выходъ,—бѣжать. Но куда онъ побѣжитъ, если едва на ногахъ держится.

Я разузнаю. «Уроковъ» исполнять не можетъ,—потому что обезсилѣлъ, второй мѣсяцъ питается «въ одну ручку», одной «баландой», безъ хлѣба. Паекъ хлѣба на два мѣсяца впередъ проигралъ въ карты. Проиграны же и халатъ и бушлатъ.

И никто даже надѣть, къ смотрителю пойти, не даетъ. Всякому своя шкура дороже:

— Угонятъ изъ конторы въ другую тюрьму. Ищи, свищи! Съ меня шкуру спускать будутъ: ни халата ни бушлата.

Я выкупилъ у ростовщиковъ и одежду и паекъ хлѣба. Вся тюрьма за него обрадовалась.

И такихъ случаевъ представлялось много. Надо было только «входить» во внутреннюю жизнь тюрьмы и поселья.

Зато, если какой-нибудь «жиганъ», умасливая, жаловался на выдуманныя несчастья, я, разузнавъ, говорилъ ему, приводи онъ хоть десятокъ свидѣтелей:

— Врешь. Тебѣ на игру. Скажи просто: продулся!

И, чтобъ не обидѣть его окончательно, давалъ полтинникъ, двугривенный.

Это создавало мнѣ уваженіе тюрьмы:

— Человѣкъ съ разсужденіемъ. Не зрячій.

И тюрьма часто даже сама предупреждала меня:

— Такіе-то заговоръ дѣлаютъ, хотятъ обставить. Вы не поддавайтесь, у такихъ-то, такихъ-то разспросите. Лучше, кому надо— поможете!

Разумѣется, не обходилось безъ эксплоатацій. Часто въ моихъ интересахъ было поддаться эксплоатаціи,—надо было заслужить расположеніе какого-нибудь негодяя.

Масса каторги относилась ко мнѣ хорошо. Надо было только среди нея умѣть выбирать людей «для предварительныхъ работъ». Людей, которые пользовались бы авторитетомъ, довѣріемъ среди каторжанъ, могли бы объяснить имъ хоть приблизительно, кто я, зачѣмъ пріѣхалъ, что меня бояться нечего.

Такими людьми для меня въ Александровской кандальной тюрьмѣ явились Полуляховъ и Пазульскій.

Полуляховъ, «знаменитый» убійца семьи Арцимовичей въ Луганскѣ,—одинъ изъ ужаснѣйшихъ убійцъ въ мірѣ,—человѣкъ недюжинныхъ, выдающихся способностей.

Тысячу разъ былъ правъ Толстой. Помните слова Митрича во «Власти тьмы»:

— Мужикъ,—хоть въ замкѣ чему научится!

Попавъ въ «замокъ», Полуляховъ кой-чему научился. Кой-что услышалъ, кой-что прочиталъ. Познакомился даже съ дарвиновской теоріей «борьбы за существованіе».

Понялъ ее, конечно, по-своему, по-волчьи,— и нашелъ въ ней успокоеніе своей мятущейся совѣсти:

— Не я, такъ меня, это—только борьба за существованіе.

Авторитетъ его у каторжанъ страшно великъ.

Съ нимъ я быстро «сошелся».

Ему польстило то, что я отдавалъ ему явное предпочтеніе, какъ «замѣчательному преступнику», и то, что я удивлялся его учености.

Я сразу сказалъ ему:

— Если такой человѣкъ, какъ вы, мнѣ поможетъ,—многое можно сдѣлать. Но ваша помощь, Полуляховъ, необходима. Вы самый просвѣщенный здѣсь человѣкъ. Если судьба ваша такъ ужасна, такъ принесите хоть ту пользу, которую на вашемъ мѣстѣ постарался бы принести всякій другой просвѣщенный человѣкъ. Помогите мнѣ принести пользу другимъ, гибнущимъ въ борьбѣ за существованіе.

И Полуляховъ старался.

Когда кто-нибудь не поддавался, когда приходилось наскакивать на человѣка особенно недовѣрчиваго:

—Чего тамъ чужихъ людей къ намъ пускать!

Я говорилъ Полуляхову:

— «Приготовьте».

И, чтобъ поддержать свой престижъ, Полуляховъ «приготовлялъ» мнѣ этого человѣка. Уговаривалъ, убѣждалъ, разъяснялъ и ломалъ недовѣріе.

Пазульскій, старикъ, когда-то атаманъ на югѣ трехъ разбойничьихъ шаекъ, приговоренный къ смертной казни за убійство смотрителя, помилованный на эшафотѣ, — гроза и величайшій авторитетъ тюрьмы.

Онъ «уставляетъ законы».

Его расположеніе я заслужилъ такъ.

— Ну-ка, Пазульскій, поговорите съ бариномъ по-аглицки.

Пазульскій, оказывается, досталъ гдѣ-то самоучитель англійскаго языка и въ тюрьмѣ выучился читать и говорить.

Онъ заговорилъ.

Бѣдняга! Про него можно было сказать: «говоритъ какъ пишетъ». Онъ произносилъ всѣ буквы, какъ и слѣдуетъ произносить, по-латыни.

Ничего нельзя было понять.

Вся тюрьма ждала:

— Дѣйствительно ли, Пазульскій такъ великъ, что даже «по-аглицки можетъ», — хоть въ Америку бѣги!

Однимъ словомъ, взглядомъ, улыбкой я могъ разбить весь престижъ человѣка, добытый годами и кровавой цѣной.

Я сдѣлалъ всѣ усилія, чтобы понять.

Представлялъ себѣ дикія слова, которыя произносилъ Пазульскій, написанными, читалъ и отвѣчалъ также, понятно для него, произнося всѣ буквы.

Результатъ вышелъ потрясающій! Пазульскій забилъ меня!

— Еще лучше барина говоритъ! Скорѣе!

Престижъ былъ не только спасенъ, — поднятъ. Но какъ очень умный человѣкъ, самъ-то Пазульскій понялъ, въ чемъ дѣло. Потомъ, одинъ на одинъ, онъ меня спросилъ:

— А что, я плохо говорю по-англійски?

— Совсѣмъ не говорите, Пазульскій. Такъ не говорятъ!

Онъ крѣпко пожалъ мнѣ руку:

— Спасибо, что при тѣхъ чертяхъ не срѣзали!

Пазульскій своимъ авторитетомъ былъ мнѣ полезенъ далеко за предѣлами Александровской тюрьмы.

Когда я собрался ѣхать далеко въ центръ Сахалина, въ Рыковское и Оноръ,—Пазульскій сказалъ мнѣ:

— Хотите, я вамъ дамъ рекомендательныя письма. У меня есть тамъ по тюрьмамъ пріятели, и меня вообще знаютъ.

Это были самыя оригинальныя рекомендаціи. Но зато и самыя могущественныя.

«Человѣкъ, который вамъ отдастъ это письмо,— писалъ Пазульскій, — мнѣ дружественный. Примите его, какъ меня. Бояться нечего. Можно говорить все».

И такое рекомендательное письмо открывало мнѣ двери во всякую тюрьму.

Полуляховъ и Пазульскій оказали мнѣ больше всѣхъ услугъ. Менѣе могущественныхъ, но тоже важныхъ помощниковъ, я

легко, присмотрѣвшись, отыскивалъ вездѣ. Но главнымъ моимъ помощникомъ, повторяю, было состраданіе. Его накопилось такъ много, что оно рвалось наружу, рвалось къ каждому, кто имѣлъ уши и хотѣлъ слышать.

Мнѣ остается отвѣтить еще на одинъ вопросъ, который приходилось слышать часто:

— Не страшно ли среди каторжанъ?

Было иногда страшно.

Было страшно, когда я разговаривалъ съ однимъ тачечникомъ, огромнаго роста и неимовѣрной силы каторжникомъ.

Онъ только что кончилъ свой срокъ,— на три года былъ прикованъ къ тачкѣ,— и ему объявили, что онъ приговоренъ къ прикованію еще на три года.

Это было выше человѣческихъ силъ.

Когда онъ разсказывалъ мнѣ объ этомъ, его лицо вдругъ стало блѣднымъ, какъ полотно, въ глазахъ «запрыгали черти».

Этотъ колоссъ стучалъ тачкой объ землю и оралъ:

— Что жъ мнѣ теперь остается? Треснуть этой тачкой по головѣ перваго попавшагося? Пусть повѣсятъ!

У него не хватало силъ самому покончить съ собой.

Кругомъ каторжане дергали меня за пальто, шептали:

— Отойдите! Отойдите!

Только боязнь уронить себя передъ каторгой заставляла стоять неподвижно лицомъ къ лицу съ этимъ «взбѣсившимся» человѣкомъ и, не моргая, смотрѣть въ его глаза.

Онъ самъ потомъ, говорилъ мнѣ, извиняясь:

— Простите, что оралъ. Но еще хорошо, что такъ обошлось. Себя не помнилъ.

Страшно было, когда въ кандальной тюрьмѣ на меня кинулся какой-то китаецъ.

Нѣсколько лѣтъ онъ обращается ко всѣмъ съ какими-то просьбами. Но кто жъ понимаетъ по-китайски?

Китаецъ, можетъ-быть, считающій себя не виноватымъ, можетъ-быть, дѣйствительно ни въ чемъ не виноватый, дошелъ до отчаянія.

Каторжане говорили мнѣ, что онъ жестами объяснялъ имъ:

— Придетъ кто, — за душу. Меня повѣсятъ. Больше, должно-быть, терпѣть не можетъ.

Страшно было, когда въ одной изъ тюремъ я вдругъ очутился передъ сумасшедшимъ, и онъ кинулся, заоравъ:

— Гдѣ манифесты? Манифесты отъ насъ прячете?

Въ тюрьмахъ много эпилептиковъ, много сумасшедшихъ, которые наказываются каторгой. И это дѣлаетъ посѣщеніе тюремъ нѣсколько страшнымъ.

А такъ...

Никогда въ жизни я не выходилъ изъ банкирской конторы безъ сознанія, что я потерялъ тамъ нѣсколько рублей. А ни въ одной изъ сахалинскихъ тюремъ у меня не вытащили даже носового платка.

Вотъ сильно затянувшееся, — прошу прощенья, — предисловіе къ моей книгѣ «Саха-

линъ». Я считалъ нужнымъ написать его,—чтобы разсказать публикѣ о томъ, какъ нашему брату, журналисту, лишенному всякихъ правъ, приходится доискиваться истины.

Я посвятилъ это предисловіе моимъ братьямъ, журналистамъ, конечно, не для того, чтобъ похвалиться:

— Вотъ какой я молодецъ! Мнѣ противодѣйствовали, а я добился!

Я сдѣлалъ это просто потому, что повѣсть о злоключеніяхъ журналиста имъ ближе и понятнѣе, чѣмъ другимъ. Я сдѣлалъ это для того, чтобы сказать имъ:

— Друзья! Не жалуйтесь на противодѣйствіе! Благословляйте его! Часто, когда намъ противодѣйствуютъ, мы отъ этого становимся только сильнѣе. Это противодѣйствіе—часто только залогъ нашей самостоятельности.

Заканчивая предисловіе, я считаю долгомъ выразить глубокую признательность всѣмъ, кто «противодѣйствовалъ» мнѣ попасть на Сахалинъ. Только благодаря этому, я избѣгъ

величайшаго несчастья, — смотрѣть чужими глазами.

Мнѣ не показывали,—я видѣлъ.

Не показывали то, что угодно. А я видѣлъ самъ, что нужно было видѣть.

И только благодаря этому я могъ написать книгу, въ которой тысячи недостатковъ и всего одно достоинство:

— Правда.

Это я могу сказать спокойно.

Александровскій рудникъ.

— Вы у меня въ рудникахъ каторжныхъ работъ не увидите!—вдохновенно говорилъ мнѣ сахалинскій горный инженеръ, пока мы ѣхали тѣ три-четыре версты, которыя отдѣляютъ «столицу Сахалина»—постъ Александровскій отъ Александровскаго рудника.

— Я задался цѣлью уничтожить каторжный трудъ,—по крайней мѣрѣ, у себя. Я много читалъ-съ, много думалъ. Помните, у Достоевскаго опредѣленіе каторжнаго труда? Вѣдь, крестьянинъ дома работаетъ не меньше, чѣмъ здѣсь, на каторгѣ. Почему же этотъ трудъ для него «каторжный»? Потому-съ, что тамъ трудъ свой, а здѣсь чужой, подневольный. «Чужой», «подневольный»,—вотъ что такое

каторжный. И я уничтожилъ каторжный трудъ. У меня съ каждаго выработаннаго и проданнаго пуда откатчикъ, забойщикъ,— всякъ получаетъ процентъ. Они участвуютъ въ прибыляхъ! Они заинтересованы въ предпріятіи. Это трудъ для нихъ «свой». И посмотрите, какіе результаты. Это дѣло! Производительность рудниковъ увеличилась страшно. И это безъ порокъ, безъ дранья. Просто потому, что они работаютъ на себя. Они работаютъ охотно, усердно, съ увлеченіемъ! Они дѣлаютъ это, какъ свою собственную работу. Меня губернаторъ любитъ. Ну, гг. служащіе увѣряютъ, что это изъ-за сплетенъ, изъ-за наушничества. Нѣтъ-съ, потому что онъ человѣкъ гуманный и видитъ, что у меня дѣло процвѣтаетъ безъ битья, безъ дранья! Я на Александровскомъ рудникѣ рѣдко и бываю. Мнѣ тамъ и дѣлать нечего. Работа кипитъ, они живутъ свободно, какъ хотятъ! Рудникъ «самоуправляется».

Въ такое Эльдорадо мы ѣхали.

Если въ рудникѣ крикнуть, — становится жутко. Голоса своего не узнаешь. Звукъ не летитъ вольно. Его давитъ, и онъ умираетъ гдѣ-то вблизи.

Чѣмъ громче вы станете кричать, тѣмъ становится страшнѣе.

Звуки умираютъ тутъ же, около васъ.

И вамъ приходитъ въ голову, что, вѣроятно, такъ кричатъ люди, заживо похороненные, въ могилѣ.

— Надзиратель! Надзиратель!—вопилъ инженеръ, ползя по узкой, извилистой параллели.

И отъ собственныхъ криковъ страхъ еще больше западалъ въ его душу.

— Здѣсь я, здѣсь, ваше высокоблагородіе!—говорилъ надзиратель, останавливаясь и ожидая, пока подползетъ инженеръ.

— Что жъ, скотина, чортъ, мерзавецъ, каналья, животное, убѣгаешь?—кричалъ на него, чуть не плакалъ, обливаясь потомъ, толстый инженеръ.

Дѣло въ томъ, что горный инженеръ страшно боялся каторжанъ.

Словно какіе-то черви, мы ползли въ нѣдрахъ земли по узенькимъ, кривымъ, извилистымъ «параллелямъ».

— Чортъ его знаетъ, какой-то пьяница, животное устраивалъ этотъ рудникъ! Понятія не имѣлъ о рудникѣ!—разсказывалъ мнѣ горный инженеръ, — «параллель», каждому дураку ясно, что она должна итти параллельно штольнѣ. А онъ ихъ какими-то зигзагами, вавилонами надѣлалъ. Да и штольни! Тутъ, чортъ, исправить даже того, что онъ натворилъ, невозможно! Вотъ-съ, батюшка, какіе люди тутъ Сахалинъ устраивали. А мы исправляй! Бросить бы, по-настоящему, этотъ рудникъ слѣдовало!

Параллели были узенькія и низенькія. На четвереанькахъ итти можно было только мѣстами, въ видѣ роскоши. По большей же части приходилось ползти на животѣ. Схватиться правой рукой за какой-нибудь выступъ въ стѣнкѣ и притягиваться на мускулахъ, въ лѣвой держа свѣчу, — сахалинскіе рудники — отличаются тѣмъ, что въ нихъ вовсе нѣтъ каменно-угольнаго газа.

— А рабочимъ здѣсь постоянно приходится лазить. Немудрено, что ходятъ всѣ въ лохмотьяхъ.

— Здѣсь были «кривошейныя» работы!— говорилъ инженеръ, когда мы отдыхали гдѣ-нибудь на скрещенiи параллели со штрекомъ, гдѣ можно посидѣть.

«Кривошейными» работами называются такiя, когда рабочiй, лежа, скрививъ шею, чтобъ не ударить себя въ голову, впереди себя продалбливаетъ въ каменноугольномъ пласту кайлою такую дыру, чтобъ въ нее можно было пролѣзть одному человѣку. Работы эти считаются не только самыми трудными, кажется, изо всѣхъ существующихъ,— но и прямо убiйственными.

— Сколько, небось, народу въ этихъ параллеляхъ перепогибло. А на кой чортъ?! На кой дьяволъ надо было такiя параллели проводить! Тфу! Устраивали рудники безграмотные смотрители!—сердился инженеръ.— Устроятъ Богъ знаетъ что и пошлютъ въ Петербургъ радостную телеграмму. А тамъ

думаютъ, что и дѣйствительно тутъ благоустройство растетъ!

Въ рудникѣ, дѣйствительно, есть чего бояться: можно наткнуться на бѣглаго.

Бѣжавъ изъ тюрьмы, арестанты обыкновенно прячутся въ рудникахъ. Сюда, въ темень, ихъ никто не полѣзетъ доставать. Арестанты-рабочіе таскаютъ имъ хлѣбъ. Такъ бѣглый сидитъ здѣсь, въ кромѣшной тьмѣ, недѣлю, двѣ, больше. Пока его не извѣстятъ, что поиски бросили и патрули не ходятъ. Тогда онъ ночью выползаетъ изъ рудника и пускается наутекъ.

Въ рудникѣ черная тьма. Черныя стѣны каменноугольнаго пласта поглощаютъ лучи свѣта, свѣчка еле-еле освѣщаетъ какой-нибудь шагъ впереди васъ и наткнуться въ параллели на озвѣрѣвшаго отъ тьмы и голода бѣглаго—встрѣча ужасная. Вы его открыли, своимъ появленіемъ, вы разрушаете его бѣгство, отдаете его назадъ въ тюрьму, подъ плети. Онъ долженъ убить такого свидѣтеля,—и отъ озвѣрѣвшаго человѣка пощады не будетъ.

Но напрасно я уговаривалъ инженера:

— Да вѣдь надзиратель впереди насъ ползетъ. Разъ онъ проползъ, — значитъ никого нѣтъ!

— А, можетъ, его впереди тамъ ужъ кокнули! Кокнулъ и конецъ! Здѣсь нешто что услышишь? И я подползу, и меня кокнутъ.

И инженеръ снова принимался вопить:

— Надзиратель! Надзиратель!.. Куда ты, чортъ, мерзавецъ, негодяй, уходишь? Не смѣй уползать, тебѣ говорятъ!

Бѣднякъ инженеръ, и помимо бѣглыхъ, ужасно боялся своихъ «благоденствовавшихъ» каторжанъ:

— Хватитъ изъ штрека,—и капутъ!

Въ угольномъ пласту мертво и тихо. Вдругъ раздается какой-то глухой гулъ, ревъ. Гудитъ въ пласту, около васъ. Словно обрушилось что-то.

Это по гладко отполировавшимся штрекамъ летитъ внизъ, въ штольню, гдѣ его ждутъ откатчики съ телѣжками, обработанный уголь изъ забоевъ.

Вдругъ послышится журчанье. Вода, словно змѣйка, выбѣгаетъ изъ трещины въ пласту, извиваясь, перебѣгаетъ черезъ параллель и скрывается въ другой трещинѣ.

Встрѣча съ этими родниками всегда производитъ какое-то пріятное впечатлѣніе. Вода живая, движется, бѣжитъ, — среди мертваго каменноугольнаго пласта.

Въ параллели сыро, тяжко, трудно дышать. Вода просачивается, капаетъ на васъ большими, тяжелыми, холодными каплями, руки хватаются за мокрое, холодное, скользкое, вы ползете по черной жидкой грязи.

Мы останавливаемся, прислушиваемся. Угольный пластъ, какъ телефонъ, передаетъ намъ звуки. Въ немъ слышатся мѣрные удары. Близко забой. Работаютъ.

Мы полземъ.

Мѣрные удары слышатся все яснѣе, громче. Ближе, ближе. Послышался глухой человѣческій говоръ и мы, наконецъ, другъ за дружкой, выползаемъ въ забой.

Работа останавливается. Рабочіе снимаютъ шапки.

— Надзиратель! Надзиратель! — кричитъ инженеръ на надзирателя, который отошелъ что-то посмотрѣть. — Куда тебя, чорта, къ дьяволамъ уноситъ? Стой здѣсь! Стой здѣсь, говорятъ тебѣ!

И онъ держится осторожно и вдалекѣ отъ робко и почтительно вытянувшихся каторжанъ.

Въ каменноугольномъ пласту отъ угля душно и жарко. Черныя стѣны. Пылаетъ, еле освѣщая забой, нѣсколько керосиновыхъ факеловъ, — въ забоѣ, вмѣсто воздуха, крутится какой-то вихрь керосиновой копоти.

Люди одѣты въ невѣроятныя лохмотья, сквозь которые на каждомъ вершкѣ видно голое, черное тѣло. Только арестантскія шапки остаются цѣлы на рабочихъ и составляютъ рѣдкій контрастъ съ остальными лохмотьями.

Съ лицами, черными отъ угля, при дрожащемъ красномъ свѣтѣ факеловъ, подъ землею, среди черныхъ стѣнъ забой, — каторжане кажутся, дѣйствительно, какими-то чертями, и на нихъ жутко смотрѣть.

Инженеръ, въ сопровожденіи словно приклеившагося къ нему надзирателя, подходитъ къ «крѣпленіямъ»—деревяннымъ подпорамъ, которыя ставятся въ забоѣ, чтобъ не завалилось.

— Это что за крѣпленіе?!—даже не вскрикиваетъ, взвизгиваетъ онъ. — Это что? Это что?

Онъ тычетъ пальцемъ въ заплѣснев ѣвшій деревянный столбъ, изъ котораго сочится при этомъ вода и сыплются гнилушки.

— Сгнило все! Рухнетъ все! Ни одинъ человѣкъ не уйдетъ! Всѣхъ передавитъ!

Я не безъ жути поглядываю на черный пластъ, висящій надъ головою, и мнѣ вспоминаются слова инженера:

— «Я на рудникѣ даже рѣдко бываю. Что мнѣ тамъ дѣлать?»

— Гдѣ крѣпильщикъ? Кто крѣпильщикъ?

Отъ стѣны отдѣляется черный человѣкъ съ кайлою.

— Какъ же ты, мерзавецъ...—начинаетъ было инженеръ и вдругъ, увидѣвъ кайлу, даже подпрыгиваетъ:

— Зачѣмъ у тебя кайла? Брось кайлу! Зачѣмъ у тебя кайла?!

— Такъ что, ваше высокоблагородіе, какъ я въ забойщикахъ...

— Какъ въ забойщикахъ?! Твое дѣло за крѣпленіями смотрѣть! Всѣхъ людей,—понимаешь ли ты, всѣхъ, сколько здѣсь есть,—передавитъ!

— Такъ что, какъ онъ хорошій забойщикъ, то и дозволено въ свободное, то-ись, время...—осторожно поясняетъ надзиратель, но спохватывается.—А впрочемъ, они, ваше высокоблагородіе, больше самовольно!

Дѣло объясняется очень просто.

Изъ попуднаго процента, поступающаго въ пользу каторжанъ, больше всѣхъ получаютъ забойщики, меньше всѣхъ—крѣпильщики.

Крѣпильщикъ подѣлился съ надзирателемъ. Ему и разрѣшено быть въ одно и то же время и крѣпильщикомъ и забойщикомъ. Такъ онъ и получаетъ за двоихъ. Какъ забойщикъ работаетъ, а за крѣпленіями смотрѣть некогда.

Рудникъ «самоуправляется».

— Нѣтъ, что же мнѣ съ ними, съ чертями, дѣлать! —схватывается инженеръ за голову.—Случись катастрофа,— закричатъ: «инженеръ!» Сами не могутъ посмотрѣть, что у нихъ надъ головою дѣлается! Гора надъ головой виситъ! Гора! А они крѣпленій не могутъ перемѣнить! Крѣпленій сколько заготовлено! Подгнило все! Перемѣнить, только перемѣнить не могутъ!

Пока инженеръ показывалъ мнѣ устройство «невозможнаго» стараго рудника и восклицалъ: «можно въ такомъ рудникѣ работать? Можно?» насталъ часъ арестантскаго обѣда.

Рабочіе расползлись, какъ черви, по параллелямъ, съ головокружительной быстротой слетѣли на спинѣ по штрекамъ, зашлепали чуть не по колѣно въ водѣ по главной штольнѣ и ушли въ тюрьму.

Туда же пошли и мы.

Я былъ во всѣхъ сахалинскихъ тюрьмахъ, но ни изъ одной изъ нихъ я никогда не выходилъ до такой степени, буквально, обсы-

панный насѣкомыми, какъ изъ тюрьмы при Александровскомъ рудникѣ.

— Не садитесь, ваше высокоблагородіе!.. Не облокачивайтесь... Не извольте притрогиваться...—ежесекундно предупреждалъ надзиратель.

Но всякія предосторожности были бы напрасны.

Лохмотья одежды, лохмотья подстилокъ, грязь,—все это кишѣло насѣкомыми.

— Хлѣбушка кусочка съѣсть невозможно!—жаловались мнѣ потомъ каторжане.— Все съ ими, съ проклятыми, ѣсть приходится!

— Нѣтъ-съ, полюбуйтесь! Вы полюбуйтесь только!—въ отчаяніи восклицалъ инженеръ, когда мы подходили, указывая на «номера» тюрьмы, въ живописномъ безпорядкѣ прилѣпившіеся по склону горы.

— Словно сакли!

— Вотъ-съ! Фантазеръ какой-то выискался! Смотритель! Мѣстность, видите ли, горная,— такъ и выстроить тюремные «номера», какъ сакли на Кавказѣ! Онъ въ «Нивѣ», что ли, видѣлъ! На Сахалинѣ кавказскія сакли!

Нѣтъ-съ, вы посмотрите, что въ этихъ сакляхъ дѣлается!

— Такъ отчего же не перестроить?

— А я, вонъ видите, какіе сараи для угля построилъ. Я, батюшка, инженеръ, мое дѣло объ углѣ заботиться.

Въ «сакляхъ» дѣлалось, дѣйствительно, Богъ знаетъ что.

Со стѣнъ, прислоненныхъ къ горѣ, текло. Полъ земляной, отъ сырости, отъ того, что на полъ все выплескивается, отъ стоящей тутъ же «параши» превратившійся въ грязь. Чтобъ пройти къ нарамъ по узенькому проходу, была положена доска, которая хлюпала въ грязи, когда на нее ступали.

До потолка можно было достать рукою. Въ такомъ «номерѣ» лежало на нарахъ отъ тридцати до сорока человѣкъ.

Отъ тридцати до сорока покрытыхъ толстѣйшимъ слоемъ грязи людей.

— Да вы, что же, моетесь когда?—спрашивалъ я у каторжанъ.

— Нѣ.

— Развѣ бани нѣтъ?

— Есть изба, по субботамъ топятъ. Да мало кто ходитъ.

— Почему жъ?

— Лежимъ въ грязи, въ горѣ въ грязи. Чего жъ въ баню ходить? Кака баня? Только грязь пуще размажешь. Такъ, закусаютъ, пойдешь, грязь помажешь.

Люди являются изъ горы мокрые. Лохмотья тутъ же сушатся, прѣютъ, гніютъ.

Воздухъ въ «камерахъ» былъ такой, что кружилась голова и подступала тошнота. Это былъ какой-то смрадъ, а не воздухъ.

— Опять стѣны портите? Опять портите?— кричалъ инженеръ.—Это ты стѣну прорубилъ? Ты?

— Такъ точно, ваше высокоблагородіе! Виноватъ, ваше высокоблагородіе,—отвѣчалъ, слѣзая съ наръ, каторжанинъ, надъ мѣстомъ котораго свѣтилась въ стѣнѣ большая вырубленная дыра.

— Сколько разъ вамъ говорили, чтобъ вы стѣнъ не рубили, не портили? Сколько разъ?

— По ночамъ больно духовито, ваше высокоблагородіе. Дышать совсѣмъ нечѣмъ! Для воздуха!

— Кто здѣсь уборщикъ? Кто уборщикъ?— кричалъ инженеръ.

— Я, ваше высокоблагородіе.

И на нарахъ,—при входѣ начальства, никто не могъ встать съ наръ и выстроиться въ проходѣ, какъ бы слѣдовало: во-первыхъ, пройти было бы тогда трудно, а во-вторыхъ, «съ себя на начальство натрясешь», всѣ только почтительно поджали ноги и сѣли, — на нарахъ, въ углу, поднялась огромная фигура.

— Я, ваше высокоблагородіе!

И мы съ инженеромъ невольно попятились.

Сколько я на Сахалинѣ ни видѣлъ разбойничьихъ лицъ, но такого, поистинѣ, звѣрскаго ужаснаго, какъ у этого старика, я не видѣлъ ни до, ни послѣ этого. Такихъ разбойничьихъ глазъ. Страшно, когда онъ смотритъ на васъ.

— Василій Концовъ.

Офиціально, — Василій Концовъ «уборщикъ камеръ», т.-е. слуга каторжанъ.

На самомъ дѣлѣ, — майданщикъ, буфетчикъ и ростовщикъ.

Мы не впадемъ въ ошибку, если скажемъ что весь Александровскій рудникъ работаетъ только и исключительно на Василія Концова. Впрочемъ, этому типу надо посвятить особую главу. Онъ стоитъ этого.

— Какой же ты уборщикъ?—кричалъ инженеръ.—Чего же ты смотришь? У тебя стѣны рубятъ?!

— Что жъ, ваше высокоблагородіе, съ ними, разбойниками, подѣлаешь?!—мрачно отвѣчалъ Концовъ, съ ненавистью оглядывая камеру.

Когда мы вошли, тюрьма обѣдала. Сидя на нарахъ, всѣ жевали,—кто селедку, кто копченую кэту.

— А баланда гдѣ?—спросилъ инженеръ.

— Баланду еще носить!—нехотя отвѣчали арестанты.

Инженеръ прямо багровѣлъ отъ злости.

— Нѣтъ-съ, вы должны посмотрѣть, какую я имъ кухню выстроилъ!

До кухни мы шли долго.

Александровскій рудникъ разбросанъ на нѣсколькихъ горахъ. Соотвѣтственно этому разбросаны и «номера» тюремъ. Поближе къ главной штольнѣ каждой горы. Здѣсь кучка «номеровъ», тамъ кучка. Горный инженеръ выстроилъ кухню въ центрѣ.

— Чтобъ отъ каждой тюрьмы было одинаково близко.

Вышло отъ всѣхъ тюремъ одинаково далеко.

Отъ каждой тюрьмы до кухни надо итти версты полторы.

На планѣ оно очень удобно, на дѣлѣ— надо обходить горы. Пока донесешь баланду! А зимой, въ пургу, это путешествіе и совсѣмъ невозможно.

Усталый послѣ работы въ горѣ людъ, придя въ тюрьму, наваливается на ѣду, ему некогда ждать. Наѣдаются и спятъ, какъ сурки, до двухъ часовъ, когда надо итти опять въ гору.

Вся провизія берется у старика Концова и его приказчиковъ, сидящихъ въ уборщикахъ по «номерамъ» тюрьмы.

Все берется, понятно, въ долгъ, и проѣдаетъ каждый рабочій, — для Сахалина совсѣмъ страшно сказать,—по 14 рублей въ мѣсяцъ.

Такимъ образомъ, весь «интересъ» отъ работы, все процентное вознагражденіе съ выработаннаго и проданнаго угля идетъ цѣликомъ въ карманъ ссыльно-каторжнаго Василія Концова.

И арестанты работаютъ страшно напряженно, потому что кругомъ должны Василію Концову, и надо платить, платить ему, безъ надежды когда-нибудь расплатиться совсѣмъ.

Отъ Концова остаются гроши.

И эти гроши каторжане Александровскаго рудника въ день получки относятъ на Орлово поле.

Въ дни получки рудничными рабочими «процентовъ» поселенцы изъ ближайшихъ селеній ведутъ на Орлово поле своихъ сожительницъ, тащатъ самовары, карты, водку — «самосядку», сивуху своей, кустарной выдѣлки.

Туда же грязные, похожіе на негровъ, являются арестанты съ рудника.

«Веселье» длится недолго, часа два.

Часа черезъ два поселенцы съ сожительницами, самоварами, картами и деньгами уходятъ.

Арестанты храпятъ по кустамъ пьяные, обыгранные поселенцами, обобранные сожительницами, въ большинствѣ избитые.

Послѣ сидѣнья въ горѣ, «слежавшіеся» въ своихъ номерахъ, они пьянѣютъ быстро съ двухъ-трехъ рюмокъ настоенной для крѣпости на табачныхъ листьяхъ «самосядки»,— пьянѣютъ и отъ водки и отъ воздуха, отъ котораго отвыкли.

Просыпаются безъ денегъ, безо всего, и снова на мѣсяцъ уходятъ въ гору.

Такъ и живутъ: день въ кромѣшной тьмѣ «горы», ночь въ смрадѣ камеры, два часа въ мѣсяцъ пьяны до потери сознанія.

Когда мы уходили съ Александровскаго рудника, горный инженеръ говорилъ уже не такъ вдохновенно.

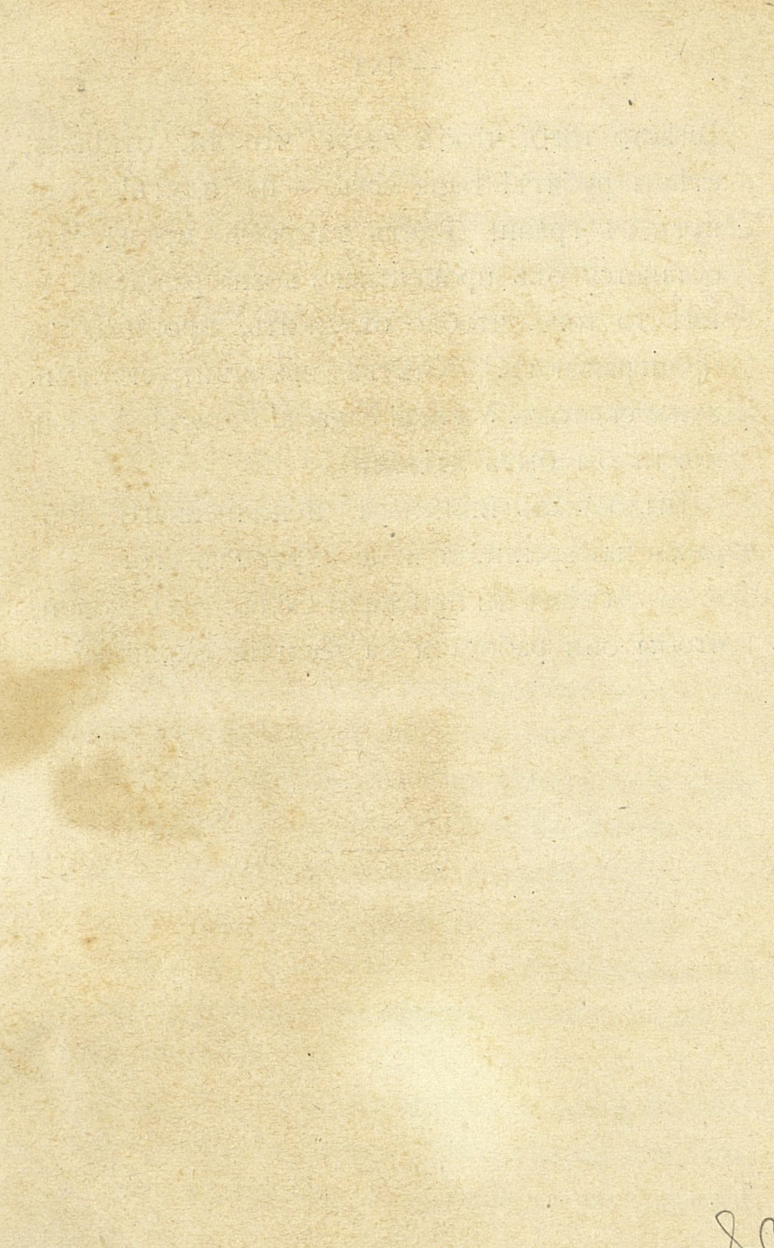
Рѣчь его звучала горечью и обидой.

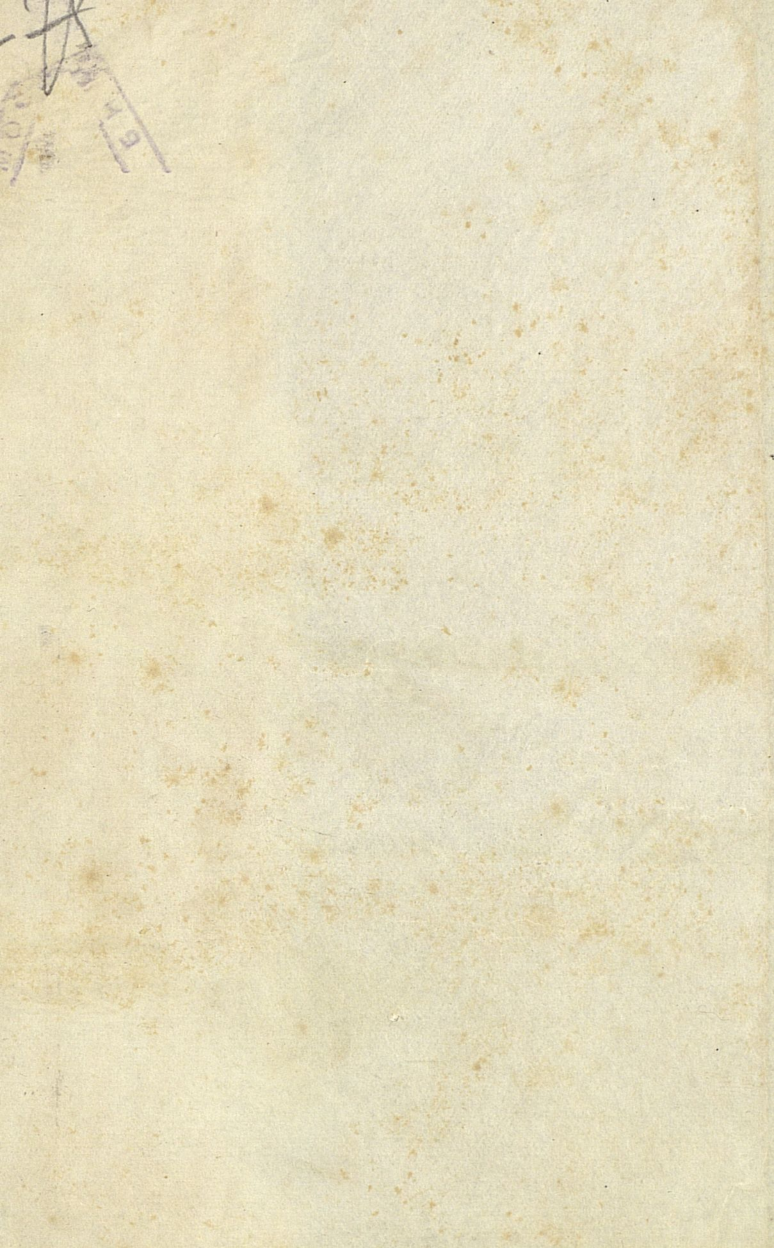
— Что же сдѣлать? Что сдѣлать для этого народа? Выстроилъ кухню, — не ходятъ!

Вмѣсто того, чтобъ дверь, что ли, открыть, стѣны рубятъ! Баня есть, — не идутъ! Живутъ въ грязи! Ѣдятъ какую-то мразь! Что останется отъ процентнаго вознагражденія,— вмѣсто того, чтобы отложить, пропиваютъ, проигрываютъ. Живутъ звѣрями, скотами, хуже скотовъ. Ужасъ! Ужасъ! Ужасъ! А вѣдь могли бы быть людьми!

Было жаль инженера, исполненнаго добрыхъ намѣреній, и я не спросилъ его:

— За тѣмъ ли прислали сюда этихъ людей, чтобы они работали на Василія Концова?

2007054008